

23.3(5)

D64

Библиотеке им. Семьи Трубецких
гг. Леониде С. Трубецкой - Солт. Вик. Ситт
С. Намузашии пожеланными! Юта Ситт
26го мая 1947г. 83.3(5)
P64

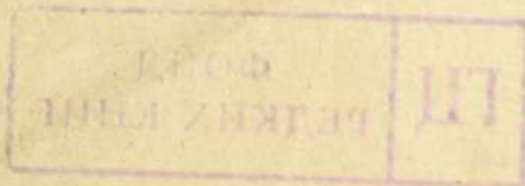
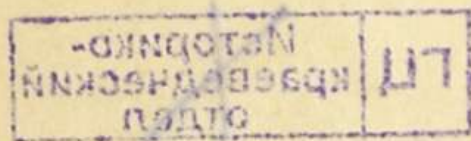
ДРЕВНЕ-АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ

И
ЕЯ КРИТИКА.

Барона Виктора Розена.

ДАР
Л. ПОЛЕВОГО

ДИССЕРТАЦИЯ НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА АРАБСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ
ФАКУЛЬТЕТУ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

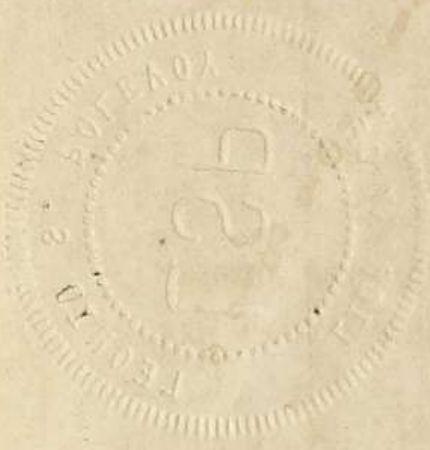
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(вас. остр. 9 лин., № 12.)

1872.

83.3(5)
Р64

По определению факультета восточных языковъ отъ 17-го февраля 1872 года печатать разрѣшается.

Деканъ факультета восточныхъ языковъ *И. Березинъ.*

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

ГЦ Историко-краеведческий отдел

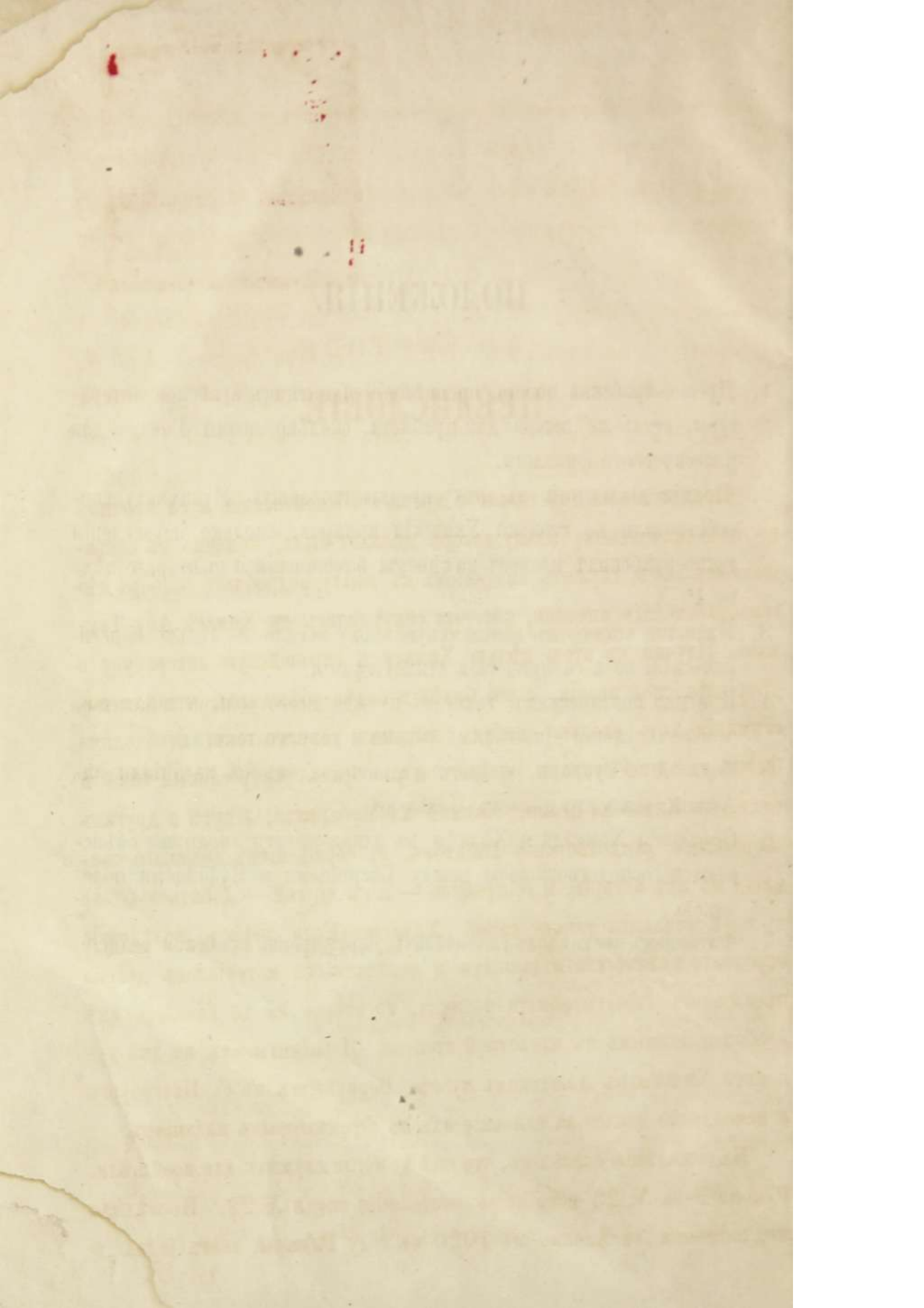
ГЦ ФОНД РЕДКИХ КНИГ

✓
✓
16758 (1126pp) ✓

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Древне-арабская поэзія, древнѣйшій памятникъ арабской литературы, столь-же важна для арабиста, сколько поэмы Гомера для классическаго филолога.
2. Сліянію діалектовъ въ эпоху предшествовавшую Мухаммеду способствовали не столько Указскія ярмарки, сколько переселенія южно-арабскихъ племенъ на сѣверъ, начинавшіяся съ втораго вѣка по Р. Хр.
3. Названіе *касидъ* въ доисламскую эпоху носили не только панегирическія, но и сатирическія стихотворенія.
4. Критика поэтическихъ текстовъ прежде всего должна заботиться о возстановленіи древнѣйшей редакціи даннаго текста.
5. Изданій ас-Суккари нельзя поставить рядомъ съ изданіями ал-Асмаія, какъ это дѣлаеть Нельдеке.
6. Обвиненія Хаммада и Халафа въ ненадежности *отчасти* объясняются господствовавшею между Басрійцами и Куфійцами полемикою.
7. Фатализмъ составлялъ главнѣйшую черту древне арабской религіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемыя двѣ главы о древнеарабской поэзіи и ея критикѣ по первоначальному плану автора должны были, конечно въ сокращенномъ видѣ, служить введеніемъ къ опыту подробнаго разбора пѣсенъ тайтскаго племени, которыя сохранились въ Хамасѣ Абу-Таммама. Изучая съ этою цѣлью Хамасу и европейскую литературу о древнеарабской поэзіи, я все болѣе и болѣе убѣждался, что для достиженія хоть сколько-нибудь важныхъ результатовъ, необходимо было: съ одной стороны, собрать и разобрать разбросанныя тамъ и сямъ, въ Китаб-ал-агани, Камилѣ ал-Мубаррада, Якутѣ и другихъ сборникахъ, стихотворенія Тайитовъ, съ обращеніемъ должнаго вниманія на ихъ исторію и географію, — а съ другой — добиться болѣе древней редакціи текста самой Хамасы. Если первое, вслѣдствіе огромнаго количества изданныхъ и неизданныхъ матеріаловъ далеко превышаетъ силы арабиста-новичка, то второе за то казалось мнѣ удобоисполнимымъ въ известной степени. Я рассчитывалъ на двѣ рукописи Хамасы въ Азіатскомъ музеѣ. Вернувшись въ С.-Петербургъ я немедленно взялся за сличеніе ихъ съ Фрейтаговымъ изданіемъ.

Къ сожалѣнію оказалось, что онѣ не могли служить для моей цѣли. Рукопись за № 23 есть лишь *новѣйшая копія* № 22. Послѣдняя же, писанная въ Алеппо въ 1020-мъ году Гиджры, даетъ редакцію

того же Тебризи, только уже третьей руки, именно въ риваетъ Абул-Хасана-Али б. Сарван б. ал-Хасан-ал-Кинди *), который въ свою очередь перенялъ ее отъ извѣстнаго филолога ал-Джавалики. Упомянутый Абул-Хасан-ал-Кинди сличалъ Тебризиевъ текстъ съ текстомъ Ибн-Аби-с-Сакра ал-Васити (ابن ابي الصقر الواسطي) род. въ 409 г. умеръ въ 498 г. гиджры; см. Ибн-Халлик. изд. Вюстенфельда № 686), который, если вѣрить иснаду, основывается на редакціи самаго Абу-Таммама. Варіанты Абул-Хасанъ отмѣчалъ, обозначая чтеніе Тебризи буквою ز, чтеніе Ибн-Аби-с-Сакра буквою ص. Въ нашей рукописи такія замѣтки находятся только fol 43 v; fol 48 v; 50 v; 53 v; 69 v; 92 v; 97 v; 98; 103 v; вездѣ только буква ص за исключеніемъ fol. 92 v; гдѣ обѣ буквы писаны, но вмѣсто ز стоитъ

بسم الله الرحمن الرحيم وما توفيقى الا بالله قال الشيخ الامام *) fol 1: ابو الحسن على بن ثروان بن الحسن الكندي قرأت على الشيخ الامام الاوحد ابي منصور موهوب بن احمد بن محمد بن الخضر بن الحسن الجواليقي ادام الله نعمته قال قرأت على الشيخ ابي زكرياء يحيى بن على الخطيب التبريزي رحمه الله واصله ينظر لى فيه قال قرأت على ابي العلاء احمد بن عبد الله بن سليمان التنوخى المعرى بمعرفة النعمان كتاب الحماسة اجمع وكان ابو العلاء اعلم اهل عصره به حتى انه حصره اوزانه وضروبه فاخبرنى الشيخ ابو زكرياء قال قال ابو العلاء اشتمل ما وضعه حبيب .....
 слѣдуетъ исчисленіе встрѣчающихся въ Хамасѣ размѣровъ, буквально сходное съ стран. 824 строк.
 12—19 Фрейтагова изданія.

فقال واخبرنا ابو الحسن محمد بن على بن الحسن بن على ابن fol. 2: عمرو ويعرف بابن ابي الصقر الواسطي ببغداد قراءة عليه معارضة باصله بخط ابيه في صفر سنة احدى و تسعين واربعماية قال قرأت على شيخنا ابي الحسن محمد بن محمد بن عيسى الخيشي (?) النحوى في المحرم (sic.) سنة

р. На fol. 105, г Иби-Аби-с-Сакръ названъ по имени. Варіанты отмѣченные такимъ образомъ относятся не къ самому тексту, а къ именамъ авторовъ извѣстныхъ стихотвореній. Сличеніе текста рукописи съ изданнымъ показываетъ, или что редакція Иби-Аби-с-Сакра не отличалась отъ Тебризіевой, или что копіистъ нашей рукописи по небрежности пропускалъ варіанты, отмѣченные въ подлинникѣ, съ котораго онъ списывалъ. Если же принять въ соображеніе, что копіистъ этотъ не отличался ни особенною добросовѣстностью, какъ показываютъ многочисленныя опіски въ кодексѣ, ни особенною ученостью, какъ показываютъ встрѣчающіяся почти на каждомъ листѣ роковыя три точки .:., то второе предположеніе окажется болѣе вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ положительныя данныя, свидѣтельствующія о постепенномъ возрастаніи числа стиховъ, въ комментарий на Хамасу ал-Марзуки.

При такомъ положеніи дѣлъ я долженъ былъ отказаться отъ попытокъ возстановленія болѣе древней редакціи и наконецъ рѣшился сдѣлать главнымъ предметомъ предлагаемаго разсужденія то, что должно было служить введеніемъ. Я рѣшился на это тѣмъ охотнѣе потому, что чтеніе Суютіева Музгира значительно измѣнило мой взглядъ на значеніе филологической критики арабовъ.

Въ первой главѣ мнѣ волею неволею приходилось повторить многое, что уже было сказано европейскими учеными, но тѣмъ не менѣе

ثلاث وثلثين واربعماية وقال لي قرأت كتاب الحماسة على ابي عبد الله النمرى ورواه لي عن ابي ريش رحمه الله تعالى قال ابو ريش فيما قرأته انا بخط عبد السلام البصرى انشدنا ابو المطرف الانطاكى قال انشدنا ابو تمام الطائى كتاب الحماسة كله واعلمت على ما اختلف فيه الشيخ ابو زكرياء وابن ابي الصقر بزآى وصاد فالزآى لابي زكرياء والصاد لابن ابي الصقر

я надѣюсь, что нѣкоторыя страницы этой главы будутъ признаны за не совсѣмъ лишнія.

Вторая глава основывается преимущественно на Музгирѣ; я хотѣлъ въ ней представить вкратцѣ методу арабскихъ филологовъ относительно критики поэтическихъ текстовъ. На сколько я успѣлъ въ этомъ, о томъ я предоставляю судить читателямъ.

Я надѣюсь, что со временемъ мнѣ удастся исполнить въ той или другой формѣ первоначальный планъ разбора Тайитскихъ стихотвореній.

ДРЕВНЕ-АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ И ЕЯ КРИТИКА.

I.

Замѣчательнѣйшая характерная черта физической географіи арабскаго полуострова, безъ сомнѣнія, есть полное отсутствіе большихъ суходолныхъ, въ теченіе всего года наполненныхъ водою рѣкъ, и заливовъ глубоко врѣзывающихся въ материкъ.

Большія же рѣки или заливы составляютъ необходимое условіе для развитія самостоятельной культуры въ эпоху, когда человѣкъ, не владея средствами науки, стоитъ подъ непосредственнымъ, неотражаемымъ вліяніемъ окружающей его природы. Аравія, не имѣющая ни большихъ рѣкъ, ни заливовъ, состоящая изъ плоской возвышенности, окруженной степями, которыя въ свою очередь окаймлены горными хребтами, не могла сдѣлаться центромъ великихъ культурныхъ стремленій, подобно долинамъ Евфрата и Тигра, Нила, Инда и Ганга, двухъ китайскихъ рѣкъ. Только южное побережье, особенно западная часть его, находилось въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ. Склоны окаймляющихъ южную степь, Дагна, горь, спускаются къ морю не круто и снабжаютъ террасы и ложбины обильной водою. Почва вслѣдствіе этого производитъ массу продуктовъ тропическаго пояса, между которыми въ древнія времена первое мѣсто занималъ опиумъ. Роскошные культы передней Азіи и Египта требовали огромнаго количества этого драгоценнаго товара. Еще очень рано развилась оживленная

торговля Тамана (счастливой Аравіи классическихъ писателей) съ Египтомъ, Сиріей и Месопотаміей. *Дункеръ*¹⁾ полагаетъ, что около 1500 до Р. Х. эти сношенія были весьма оживлены. Два большихъ торговыхъ пути соединяли южную Аравію съ Египтомъ и Сиріей съ одной стороны, съ Вавилоніей съ другой. Одинъ велъ изъ Дамаска на югъ, оставляя на западѣ Мертвое море, по странѣ *Етуреевъ* на *Астаров-Карнаимъ*, Эдреи²⁾ (Адра) и *Раввао-Аммонъ* въ страну Аммонитовъ и Моавитовъ; чрезъ Кир-Моавъ онъ доходилъ до горъ Идумейскихъ а чрезъ Босру и Селу достигалъ Элата. Изъ Элата по побережью до страны Сабейцевъ³⁾. Посредниками были Финикійцы, а на послѣдней части пути арабскія племена. — Другой путь — восточный, при посредничествѣ Регмеевъ и Деданитовъ. Деданиты сидѣли въ Оманѣ, Регмеи на берегу персидскаго залива, противъ такъ называемыхъ Бахрейнскихъ острововъ. До какихъ размѣровъ доходила эта торговля лучше всего доказывается тѣмъ, что по показанію Геродота⁴⁾ подчиненныя персидскому государству арабскія племена, въ видѣ дани должны были платить по тысячѣ центнеровъ иміама ежегодно. Эта торговля способствовала развитію довольно значительной культуры въ странѣ производившей драгоцѣнные для тогдашнихъ потребностей продукты. Культура эта конечно не могла быть совершенно самостоятельной, и намъ нечего удивляться, что напримѣръ Сабейцы употребляли вавилонскій вѣсъ, маннъ, который и Финикійцы заимствовали изъ Вавилоніи⁵⁾. На финикійское вліяніе быть можетъ указываетъ и прочитанное впервые Френелемъ⁶⁾ на химьяритскихъ надпи-

1) *Gesch. d. Alterth. I, p. 243. 3-te Aufl.*

2) Это мѣсто по нынѣ сохраняетъ свое имя въ формѣ «*der'ât*» см. *Wetzstein Reisebericht über Nauran etc. Berlin 1860, p. 110.* Вещштейнъ тамъ-же стр. 110 и сл. отождествляетъ Астаров-Карнаимъ съ Босрою. Эдреи (أَدْرَعَات) часто упоминается въ древне-арабск. стихотвореніяхъ ср. напр. *Ahlwardt. the Divan of the six ancient arabic poets Nâbîga etc. London 1870 стр. ٤٠, ст. 20; ١٠٢ 19.*

3) *Дункеръ I. с. p. 244.*

4) *Дункеръ I. с.*

5) *Duncker I. 226.*

6) *Journal as. Sept, Oct. 1845 p. 199 и сл. 226.*

сяхъ и подтвержденное Озіандеромъ ¹⁾ имя финикійской Астарты *عشتر*. Тутъ именно имя важно, самый культъ въ той или другой формѣ былъ общъ почти всѣмъ семитскимъ народамъ.

Финикійская политика всячески старалась вступать въ прямыя сношенія съ богатымъ Іаманомъ, а за тѣмъ съ Индіей, чтобы избавиться отъ не совсѣмъ благонадежнаго посредничества арабскихъ кочевниковъ. При царѣ Хирамѣ, современникѣ Соломона, была совершена удачная поѣздка въ Оеирь-Индію и такія экспедиціи повторялись лишь только собиралось съ силами іудейское царство, именно при царяхъ Іосафатѣ и Усіи. Новуходносору, который понималъ всю важность индійской торговли, удалось перенести ее въ персидскій заливъ.

Но послѣдовавшія по его смерти событія, возникновеніе и паденіе двухъ великихъ державъ, мидійской и персидской, затѣмъ македонскія завоеванія и распаденіе, послѣ смерти Александра, огромнаго его государства, препятствовали упроченію значенія персидскаго залива. Египетскимъ Птоломеемъ ²⁾ наконецъ удалось въ 2 в. до Р. Х. сосредоточить торговлю съ Индіей и Іаманомъ въ заливъ Герополя, и съ этихъ поръ начинается эпоха величайшаго процвѣтанія юго-западной Аравіи. Іаманъ сдѣлался центромъ огромной вывозной и транзитной торговли. Къ этому же времени большею частью относятся восторженные описанія богатства его классическими писателями. — Процвѣтаніе продолжалось нѣсколько вѣковъ. Мѣсто Финикійцевъ въ извѣстной мѣрѣ занимали многочисленныя еврейскія колоніи и слѣды ихъ вліянія сохранились въ переданной ими химьяритамъ формѣ лѣтосчисленія, селевкидской эрѣ ³⁾.

Начало ослабленія сабейско-химьяритскаго могущества, по всей вѣроятности, стоитъ въ связи съ возникновеніемъ въ сѣверной Аравіи царства Зеновіи и перенесеніемъ на сѣверъ большей части индійской торговли ⁴⁾. Слѣдствіемъ этого упадка, нужно полагать, была и та катастрофа, которая у арабскихъ историковъ извѣстна подъ именемъ

¹⁾ ZDMG X, 62.

²⁾ Дункеръ I. с. I, 245.

³⁾ Reinaud, mém. sur la Mésène у Блау ZDMG XXII, 654 прим.

⁴⁾ ср. Fresnel Première lettre sur l'histoire des Arabes. Paris 1831. p. 80.

سَمِيلَ الْعَرَمِ, и которой они приписываютъ большую эмиграцію нѣсколькихъ іаманскихъ племенъ на сѣверъ. Въ началѣ 6-го вѣка (525) ¹⁾ южная Аравія была покорена абиссинскимъ царемъ Абрагою. Владычество Абиссинцевъ продолжалось около 50 лѣтъ, и было низвергнуто при помощи персидскаго царя Ануширвана; раздоры между отдѣльными михла́фами (провинціями) и присутствіе ненавистнаго иностраннаго элемента (персидскаго) не мало способствовали обращенію Іамана въ исламъ. Іаманцы же играли одну изъ важнѣйшихъ ролей въ исторіи мусульманскихъ завоеваній ²⁾. — Равнымъ образомъ играли первостепенную роль до ислама іаманскія племена, перекочевавшія вслѣдствіе Марибской катастрофы. Нося съ собою зачатки нѣсколько высшей культуры, образовавшейся подъ вліяніемъ торговли и монархическаго начала, они, постепенно подвигаясь къ сѣверу, занимали лучшія части арабскаго полуострова, оазисы Наджда и Хиджаза. Три династїи, Киндитовъ, Лахмитовъ и Гассанидовъ, которыя, по крайней мѣрѣ номинально, господствовали надъ большей частью сѣверной и средней Аравїи, также были іаманскаго происхожденія.

За исключеніемъ же югозападнаго побережья Аравія не представляетъ нигдѣ большихъ пространствъ, годныхъ для земледѣлія въ бѣльшихъ размѣрахъ, и приспособленныхъ къ поселенію сплоченныхъ массъ. Безводная степь или вулканическія мѣстности, покрытыя потоками лавы, раздѣляютъ другъ отъ друга тѣ сравнительно не многіе оазисы, которые служили испоконъ вѣка и служатъ станціями, какъ для выходящихъ изъ кочеваго быта народныхъ частей, такъ для выходцевъ изъ сосѣднихъ народовъ, особенно семитовъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Аравїи. Разрозненное между собою природою, ею же охраняемое, если не отъ всѣхъ инородческихъ набѣговъ, то по крайней мѣрѣ отъ покоренія ³⁾, населеніе Аравїи должно было раздѣлиться на множество народцевъ, живущихъ каждый своею жизнью, не связанныхъ

¹⁾ Sprenger, *Leben Muh.* 3,448.

²⁾ ср. *Pseudo Wakidi* у Шпренгера I, 248 прим.

³⁾ ср. интересный и весьма характерный анекдотъ у Ветцштейна, *Reiseber.* 103.

никакими общими всѣмъ идеями или преданіями, и эта-то разрозненность имѣла глубочайшее вліяніе на характеръ Арабовъ, наложила свою печать на всѣ произведенія арабскаго духа. Даже исламъ, который вмѣстѣ съ измѣненіемъ географическихъ условій, не оставилъ народный характеръ безъ всякихъ перемѣнъ, не могъ совершенно изгладить слѣды вліянія первоначальной ихъ родины. Неспособность обнимать взоромъ цѣлое, соединять отдѣльныя впечатлѣнія, отдѣльные взгляды, въ одну общую систему, созидать такимъ образомъ своеобразное міорозерцаніе, и съ другой стороны удивительное умѣнье разлагать, анализировать отдѣльныя стороны извѣстной идеи, развивать ихъ до крайнихъ предѣловъ съ неумолимою послѣдовательностью, все, что поражаетъ европейскаго читателя при первомъ знакомствѣ съ позднѣйшей ученой арабской литературой, должно оставаться совершенно непонятнымъ, если не искать объясненія его въ географическихъ и созданныхъ ими политическихъ условіяхъ арабскаго полуострова. Нагляднымъ доказательствомъ этого положенія должна служить доисламская арабская поэзія, потому что произведенія народнаго творчества народа безъ культуры всегда и вездѣ отражаютъ въ себѣ внѣшнія условія, подъ которыми они образовались. Изученіе древне-арабской поэзіи по этому получаетъ большой историческій интересъ, въ лучшемъ значеніи этого слова.

Разрозненность племенъ и безопасность отъ инородческихъ набѣговъ не давали Арабамъ возможности чувствовать себя однимъ народомъ; идея о національности не могла развиваться на арабской почвѣ; по этому и эпическая поэзія не могла существовать. Эпическая поэзія, по справедливому замѣчанію *Альвардта* ¹⁾, можетъ образоваться только тогда, когда общія преданія находятся въ устахъ у всѣхъ племенъ извѣстнаго народа; когда вся масса народа, полная воспоминаній о славномъ прошедшемъ, работаетъ надъ воспроизведеніемъ ихъ. Арабы не имѣли общихъ преданій, потому что они не могли имѣть „славнаго прошедшаго“. Въ чемъ собственно состояла исторія большей части арабскихъ племенъ? Перекочевка изъ одной степи въ

¹⁾ Ueber Poesie und Poetik der Araber стр. 27.

другую, а изъ другой въ третью вслѣдствіе невыпавшаго дождя; вѣчныя побоища отдѣльныхъ ордъ изъ-за пастбища или колодца ¹⁾, угонъ скота, грабежъ каравановъ, вотъ вся ихъ исторія. Природа не позволяла предаваться созерцанію будущихъ благъ и прошедшихъ подвиговъ; она требовала поминутной борьбы, борьбы съ жаждою, съ голодомъ и холодомъ, съ людьми. Все вниманіе поглощалось настоящимъ; прошедшее и будущее отходили на задній планъ.

Арабы между тѣмъ одарены поэтическимъ талантомъ въ высокой степени, вслѣдствіе чего поэзія и поэты пользовались у нихъ большимъ значеніемъ, такъ что даже анаѳема Мухаммеда не на долго утратила ихъ. Поэзія нѣкоторымъ образомъ замѣняла имъ прессу ²⁾. Какое нибудь удачное стихотвореніе не разъ имѣло важныя политическія послѣдствія. Вся поэтическая сила по необходимости обращалась къ лирикѣ, или, лучше сказать, оставалась при лирикѣ, потому, что лирика безъ сомнѣнія есть первая форма всякой поэзіи. Лирика имѣетъ дѣло съ настоящимъ, ей нѣтъ дѣла до преданій „давно минувшихъ дней“; она выдѣляетъ личность изъ народной массы и овладѣваетъ ею. Она обращается къ чувству, она есть произведеніе страсти. Страсти же всегда и вездѣ были и есть, поэтому и нѣтъ народа безъ лирическихъ произведеній, хотя немногіе только имѣютъ эпопею.

Вся масса дошедшихъ до насъ стихотвореній доисламской эпохи носитъ отчаянный лирической характеръ. На первый взглядъ эта поэзія кажется ужасно монотонною, намъ кажется, что невозможно отличать въ ней разные колориты. „Безпредѣльная пустыня, съ своимъ раскаленнымъ, движущимся пескомъ, который непрерывно измѣняетъ ея поверхность, уподобляя ея океану; ея скалы, камни, потоки, рѣдкіе кустарники и еще болѣе рѣдкіе зеленые оазисы съ тѣнью; ея коренныя обитатели — львы, тигры, гіены, барсы, волки, сайги, дикія козы, миловидныя газели, пугливые страусы, зловѣщія вороны; солнце,

---

¹⁾ ср. напр. Ahlwardt, *Divan of the six poets* стр. 134. № 7 стихъ 9.

²⁾ см. напр. Weil, *Geschichte der islam. Völker* p. 118 и вообще о значеніи для Арабовъ поэзіи Ahlwardt, *Poesie etc. Schack., Poesie und Kunst der Araber in Spanien und Sicilien, passim*, и мѣткія замѣчанія Сенковскаго о значеніи поэтовъ для необразованныхъ народовъ вообще *Собр. соч. т. VI, стр. 105.*

пылающее надъ этою пустынею; воздухъ „кипящій“, наполненный огненными иголками, которыя „плюнуть“ передъ ослѣпленнымъ взоромъ; волшебныя преображенія миража; облака бѣлыя, безводныя, сухія какъ самая почва; и облака дожденосныя, которыхъ каждая капля равна благодѣянію, словомъ всякаго рода и цвѣта облака, явленія столь обыкновенныя для сѣвернаго человѣка, но столь важныя, столь занимательныя для вѣчно жаждущаго сына пустыни, который съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ каждый клочокъ паровъ на небѣ и связываетъ съ нимъ свои надежды и свое отчаяніе; и посреди этой ужасной природы человѣкъ, ставка, перекочевка, ссора, война, истребленіе: человѣкъ большею частью голодный, съ своею любовью, съ своею местию, гордостью, нищетою и славою, со всѣми страстями и доблестями своими; человѣкъ, который ѣдетъ одинъ въ пустыню, чтобы сражаться со всѣми странствующими фарисаи, единственно для прославленія своего мужества; его страданія и подвиги, его несчастія и пѣсни; его конь, вѣрный другъ, который терпѣливо дѣлитъ съ нимъ недостатокъ и мужественно спасаетъ его въ несчастіи отъ „красной смерти“; его верблюдъ, второй другъ его, все его богатство, котораго онъ боготворитъ и воспѣваетъ какъ любовницу, и котораго однакожь всегда готовъ убить великодушно, чтобы угостить странниковъ его мясомъ, или чтобы по жеребью раздѣлить части его тѣла между голодными сподвижниками своихъ опасныхъ предпріятій для отмщенія сильному врагу; наконецъ одинокая могила этого человѣка въ пустынѣ, и кости храбраго валяющіяся на жгучемъ пескѣ“ — вотъ набросанная мастерскимъ перомъ Сенковскаго ¹⁾ характеристика этой „удивительной поэзіи, которой нельзя уподобить никакой другой на свѣтѣ“.

Живя постоянно, такъ сказать, въ осадномъ положеніи, бедуинъ лучшею добродѣтелью считалъ храбрость. Я не думаю, чтобъ ссора составляла верхъ его блаженства, идеаль, къ которому онъ стремился; напротивъ того, мнѣ кажется, что онъ предпочиталъ миръ; не даромъ же любимыми метафорами для обозначенія войны были *كریهه* „противное“,

¹⁾ Собр. соч. Петерб. 1859, 7, стр. 172 и сл.

зло¹⁾). Но нечего было дѣлать, и что онъ тому качеству, которое одно помогаетъ въ борьбѣ за существованіе, посвящалъ вдохновенныя

1) Это значеніе «войны, ссоры» слово **شَرٌّ**, какъ мнѣ кажется, имѣеть въ прозвищѣ знаменитаго поэта Тааббата-Шаррана (**تَابَّطَ شَرًّا**), «онъ несъ подъ мышками зло». Это прозвище дало арабскимъ толкователямъ поводъ къ различнымъ выдумкамъ, которыми они украшали свои повѣствованія о жизни и подвигахъ этой степной знаменитости. Ихъ объясненія, въ которыхъ слово **شَرٌّ** означаетъ то мечъ, то ножъ, то змѣй, то гуль (**غول**) = бѣса, страдаютъ нѣкоторою натянутостью, потому что наврядъ-ли можно констатировать употребленіе слова **شَرٌّ** въ этомъ смыслѣ, между тѣмъ какъ метафорическое употребленіе его въ смыслѣ войны, ссоры, такъ часто, что примѣры были бы лишніи. Получилъ-ли Сабитъ б.-Джабиръ свое прозвище отъ стиха, въ которомъ онъ употребилъ выраженіе **تَابَّطَ شَرًّا** (много поэтовъ получили прозвище такимъ образомъ см. главу **ذَكَرَ مِنْ لُقْبِ بَيْتِ شَعْرِ قَالَهُ** въ Музгирѣ изд. Булакское II. 218 и сл.) въ смыслѣ «онъ былъ страшный рубака», или же было оно дано ему его врагами или друзьями, это трудно рѣшить; но такое объясненіе все-таки кажется мнѣ болѣе подходящимъ и къ его характеру и къ духу арабскаго языка, чѣмъ толки арабскихъ ученыхъ, о мечѣ и ножѣ, змѣяхъ и гуляхъ, которыхъ онъ будто-бы несъ подъ мышками. — О Тааббатѣ есть прекрасная монографія г. Баура подъ заглавіемъ «Der arabische Held u. Dichter Tabit ben Gâbir von Fahm» въ ZDMG. 10, стр. 73—109. — Я позволю себѣ привести изъ Булакскаго изданія Китабъ ал-агани т. 18 стр. 209 и сл. толкованія прозвища Сабит-б. Джабира: стр. 209: **تَابَّطَ شَرًّا—هو ثابت بن جابر بن**

سفيان بن عمير بن عدى بن كعب بن حزن وقيل حرب بن تيم ابن فهم بن عمرو بن قيس عيلان بن مضر بن نزار وامه امرأة يقال لها أميمة يقال انها من بنى القين بطن من فهم ولدت خمسة نفر تابط شرًا وریش لغب وریش نسر وكعب جدر ولا تراكى وقيل انها ولدت سادسا واسمه عمرو و تابط شرًا لقب لقب به ذكر الرواة انه كان رأى كبشا فى الصحراء فاحتلمه تحت إبطه فجعل يبول عليه طول طريقه فلما قرب من الحى ثقل عليه الكبش فلم يقله فرمى به فاذا هو الغول فقال له قومه ما تابطت يا ثابت قال الغول قالوا لقد تابطت شرًا فسمى بذلك وقيل بل قالت امه كل اخوتك ياتينى بشىء اذا راح غيرك فقال لها سأتيك الليلة

похвалы, — совершенно понятно. Въ древнихъ пѣсняхъ впрочемъ поэты часто умоляютъ не возбуждать вражды легкомысленно изъ-за

بشءٍ ومضى فصاد افاعى كثيرة من اكبر ما قدر عليه فلما راح اتى بهن
في جراب متأبطا به فالقاه بين يديها ففتحته فتساعين في بيتها فوثبت
وخرجت فقال لها نساء الحى ماذا أتاك به ثابت فقالت أتانى بافاعى في
جراب وقلن وكيف حملها قالت تأبطها قلن لقد تأبط شرًا فلزمه تأبط شرًا
حدثنى عمى قال حدثنى الحسن بن عبد الأعلى عن ابى محلم بمثل هذه
الحكاية وزاد فيها ان امه قالت له في زمن الكمأة الأثرى غلمان يجتنون
لاهلهم الكمأة فير ودون بها فقال اعطنى جرابك حتى اجتنى لك فيه فاعطته
فملاهُ لها افاعى وذكر باقى الخبر مثل ما تقدم ومن ذكر انه انما جاءها
بالغول يحتج بكثرة اشعاره في هذا المعنى فانه يصف لقاءه اباها في شعره
كثيراً فمن ذلك قوله

متقارب. разм. فاصبحت الغول لى جارة * فيا جارتالك ما اهولا

فطالبتها بضعها فالتوت * على وداولت ان افعلأ

فمن كان يسأل عن جارتى * فان لها باللوى منزلا

اخبرنى عمى عن الحزنبى عن عمرو بن ابى عمرو الشيبانى قال نزلت
على حى من فهم اخوة عدوان من قيس فسألتهم عن خبر تأبط شرًا فقال
لى بعضهم و ماسؤالك عنه انريد ان تكون لصا قلت لا ولاكن اريد ان
اعرف اخبار هؤلاء العدائين فأتحدث بها فقالوا نحدثك بخبره ان تأبط
شرًا كان اعدى ذى رجلين وذى ساقين وذى عينين وكان اذا جاع لم تقم
له قائمة فكان ينظر الى الظباء فينتقى على نظره اسمنها ثم يجرى خلفه فلا
يفوته حتى ياخذه فيذبجه بسيفه ثم يشويه فيأكله وانما سمي تأبط شرًا لانه
فيما حكى لما لقى الغول فى ليلة ظلماء فى موضع يقال له رعى بيطان فى
بلاد هذيل واخذت عليه الطريق فلم يزل بها حتى قتلها وبات عليها فلما
اصبح حملها تحت ابطه وجاء بها الى اصحابه فقالوا له لقد تأبطت شرًا فقال
فى ذلك

бездѣлицы. Велика слава того, кому удается примиреніе издавна враждующихъ племенъ ¹⁾.

Въ тѣсной связи съ господствующими въ степи анархическими порядками стоять кровомщеніе ²⁾ и гостепріимство. Это суть единственныя средства, могущія хоть сколько нибудь ограничивать произволь и дѣлать жизнь въ степи сносною. Отмстить за убіеніе соплеменника, родственника, есть долгъ храбраго воина. Женщины въ особенности не перестаютъ подстрекать родичей убитаго къ мести. Быть убиту и не быть отомщенну — страшная мысль для бедуина. Смерть его не пугаетъ, но пугаетъ его опасеніе, что кровь его прольется „понапрасну“. Достоинство человѣка нѣкоторымъ образомъ было пропорціонально усердію, которое должны были проявлять его соплеменники въ достиженіи мести за его смерть. Оттого-то племена гордились жестокимъ исполненіемъ этого обычая. — Гостепріимство спасало бѣдныхъ и неимѣющихъ пристанища отъ гибели. Союзникъ или иноплеменникъ, ища покровительства, рѣдко ошибался. Пока онъ находился подъ кровлею хозяина, онъ былъ въ безопасности, что впрочемъ не мѣшало хозяину, не много спустя, ограбить или убить недавняго гостя.

Особаго вниманія заслуживаетъ положеніе женщины въ доисламскую эпоху. Оно было совсѣмъ другое, чѣмъ въ исламѣ и преимущество въ этомъ отношеніи принадлежитъ времени „невѣжества“. Женщина была тогда гораздо свободнѣе ³⁾, и пользовалась бѣльшимъ уваженіемъ. Арабъ-язычникъ видѣлъ въ ней мать богатырей, которые должны были защищать честь его рода и племени, и потому самъ счи-

نابط شراً ثم راح أو آغندی * یوأم غنما اویسیف علی ذحل
یوأم یوافق وبسیف یعتدی

¹⁾ см. напр. муаллаку Зугейра

²⁾ ср. арабск. пословицы: القتل انفی للقتل « بعض القتل احیی للجميع »
у Мейдани цитов. у Флейшера: Berichte üb. die Verh. der sächs. Gesellsch. d. Wiss. 1870. стр. 251.

³⁾ Это и по нынѣ замѣчается у Бедуиновъ; см. напр. Wellsted, Reisen, deutsch. v. Roediger, passim ср. Валинъ въ ZDMG V, 22.

талъ первѣйшею обязанностью своею защищать ее отъ обезчещенія врагами ¹⁾. Плъненіе сестры, матери, жены, дочери, было великимъ посямленіемъ для араба. Упрекъ въ оставленіи женщины племени безъ покровительства, въ оставленіи ихъ, какъ они весьма живописно выражались *على الوضّم* ²⁾ т. е. на лоткѣ, былъ однимъ изъ величайшихъ упрековъ, который могъ быть сдѣланъ арабскому молодцу.

Женщина, въ свою очередь раздѣляла труды кочевника; не рѣдко она принимала участіе въ битвѣ. За то арабъ любилъ украшать ея палатку, или ея гаудаджъ (сѣдло), лучшими пестрыми іаманскими матеріями. Когда онъ выступалъ на бой, то подобно средневѣковому рыцарю онъ бралъ себѣ, помимо общаго, племеннаго боеваго крика, пароль отъ дамы своего сердца. Этотъ обычай по свидѣтельству Вестштейна ³⁾ и Валлина ⁴⁾ и по нынѣ сохранился у арабскихъ кочевыхъ племенъ. Въ своихъ походахъ онъ заботился о томъ, чтобы его подвиги заслуживали интересъ, удивленіе и одобреніе „постоянно освѣдомлявшейся объ немъ съ усердіемъ любимой женщины ⁵⁾. Она же платила ему горячей привязанностью; по его смерти неусыпно подстрекала соплеменниковъ къ мщенію, горевала о немъ, наполняя степь отчаянными воплями. Элегіи, хотьбы на примѣръ, ал-Ханса, по глубинѣ чувствъ и силѣ выраженій, безспорно принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ арабскаго поэтическаго творчества ⁶⁾.

Слѣдствіемъ такихъ отношеній женщины къ мужчине была относительная чистота нравовъ арабовъ язычниковъ, далеко превосходившая нравы позднѣйшихъ вѣковъ, когда подъ вліяніемъ болѣе цивилизованной городской жизни и столкновенія съ испорченностью передне-азіатскихъ и персидскихъ „культуртрегеровъ“ развратъ достигъ

¹⁾ ср. ZDMG VI, 378.

²⁾ Хамаса 141; 174.

³⁾ ZDMG XXII. 98 anm. 25 b.

⁴⁾ ZDMG V, 22.

⁵⁾ *حفي سؤالها* ср. Хамасу стр. 80.

⁶⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ изданы и переведены Нельдеке въ *Beiträge zur Kenntniss der Poesie der alten Araber* стр. 152 и сл. по хранящейся въ Берлинѣ рукописи дивана ея въ редакціи Ибн-ас-Сиккита.

почти неизмѣрныхъ размѣровъ, и женщина была унижена до послѣднихъ предѣловъ. Только Испанія составляла въ нѣкоторой степени исключеніе, и въ ея исторіи мы находимъ женщинъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, какъ напримѣръ Валладу, дочь кордовскаго царя Мухаммеда Алмустакфи. — Религіозной лирики доисламскіе арабы не имѣли по той простой причинѣ, что религія играла очень незначительную роль въ ихъ жизни; такъ оно и теперь, какъ выходитъ изъ показаній Пальгрева. Намъ поэтому нечего удивляться, что въ дошедшихъ до насъ памятникахъ такъ мало указаній на культъ, на религіозныя вѣрованія; и тенденціозныя измѣненія позднѣйшихъ благочестивыхъ рецитаторовъ и издателей наврядъ-ли одни тому виною. Эти господа, конечно, подчасъ пропускали стихи, въ которыхъ упоминались имена какихъ-нибудь идоловъ, произносилась клятва, могущая обижать слухъ правовѣрныхъ поклонниковъ пророка, вставляли кое-гдѣ мусульманскую фразу, замѣняли слово اللات словомъ الله in majorem dei gloriam, или القدر, на что есть положительныя доказательства, но едвали успѣли процenzировать всю живущую въ преданіи народа массу пѣсенъ.

Древняя арабская религія была различныхъ формъ по племенамъ, но главная черта, всѣмъ общая, по всей вѣроятности, было поклоненіе звѣздамъ, небеснымъ свѣтиламъ. Это лучше всего доказываютъ собственныя имена ¹⁾. Особенно распространено было поклоненіе солнцу, затѣмъ лунѣ и разнымъ созвѣздіямъ, Венерѣ, Канопу, и т. д. Вышними экспонентами, такъ сказать, этихъ божествъ служили: камни, скалы, деревья, животныя, или же грубые истуканы, подъ разными именами ²⁾. Каждое племя имѣло особыя пенаты; ихъ насчитывалось слѣдовательно изрядное количество. Въ сочиненіи ал-Азраки ³⁾ мы находимъ хадисъ, по которому Мухаммедъ, когда завоевалъ Мекку, нашелъ тамъ 360 идоловъ. На счетъ монотеистскихъ вѣрованій древнихъ арабовъ остается только сказать, что они ограничивались

¹⁾ см. Озіандеръ въ ZDMG 7, 468

²⁾ Племя бану-Ханифа сдѣлало себѣ кумирь изъ хлѣба; но когда ихъ разъ настигъ голодный годъ они съѣли его, что возбудило не мало насмѣшекъ см. Ибн-Кутайба Hdb. ed. Wüstenfeld p. 299.

³⁾ ed. Wüstenf. ٧٠

признаіемъ за Аллахомъ нѣкотораго превосходства надъ другими божествами. Быть можетъ, хаджъ въ Меккѣ былъ именно въ честь этого аллаха ¹⁾. Болѣе просвѣщенныя личности вѣроятно отдавали полную честь Аллаху, но они относились равнодушно къ вѣрованіямъ другихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже выдѣлялась для Аллаха часть жатвы, которою и были надѣляемы бѣдные и сироты. Но и тутъ-то мало было уваженія къ несчастному Аллаху; для него выбирали худшую часть, а жрецамъ и идоламъ доставалась лучшая ²⁾.

Я не могу входить здѣсь въ подробности о древне-арабскихъ культахъ; читатель найдетъ достаточное количество фактовъ у Покока (*Specimen Historiae Arabum*) и особенно у Озіандера въ *ZDMG* VII, 463—505 и Креля въ „*Ueber die vorislamische Religion der Araber*“. Только объ одной сторонѣ ар. религіи я считаю не лишнимъ упомянуть нѣсколько подробнѣе, потому что недавно только стали обращать на нее вниманіе, и у насъ подходящія статьи, кажется, неизвѣстны. Вѣрная же оцѣнка этой стороны важна, какъ для уразумѣнія значенія важнѣйшихъ догмъ ислама, такъ и для восстановленія правильнаго взгляда на исторію и значеніе мутазилитскаго раскола, этого важнѣйшаго религіознаго движенія въ мусульманствѣ. Э. Сельсбѣри (*Salisbury*) въ статьѣ „*Materials for the History of the Muhammedan doctrine of predestination and free will*“, напечатанной въ *Journal of the Americ. Orient. Society* vol. VIII, I, 105 и сл. и Л. Крель въ напечатанной въ *Berichte über die Verhandl. der kgl. sächs. Gesellsch. der Wissensch. Philolog. Hist. Cl.* 1870 стр. 40 и сл. статьѣ „*Die Koranische Lehre von der Praedestination im Verhältniss zu andern Dogmen des Islam*“ первые констатировали, на основаніи древнихъ стихотвореній, что арабы-язычники были фаталистами. Арабы вѣровали ³⁾, что человѣкъ находится въ зависимости отъ невѣдомой, всепокоряющей силы, которую они называли то

¹⁾ Sprenger I, 250 прим. 2,

²⁾ Sprenger I, 251.

³⁾ Krehl. I. с. Къ приведеннымъ имъ и Сельсбѣри цитатамъ я прибавилъ слишкомъ 30 новыхъ, взятыхъ частью изъ Хамасы же и Дивана Гудзейлитовъ, частью изъ Дивана шести поэтовъ, которымъ названные ученые еще не могли пользоваться.

مَنِيَّة (муалл. Тарафы ст. 57 по изд. Арнольда, Хам. 279; 322; Six poets: ٣٩, № 13 ст. 7; ٤٢ ст. 18 — 20; ٢٤, ст. 22); то منايا (муалл. Зугейра ст. 49, Амр-б. Кульсума 8; Хамаса 389, 445, 446, Huds. poems 236, ст. 21); то مَنْوُن (Хамаса 44, 375, 507, 531; Six poets ١٧٠ № 53 ст. 2; Huds. poems 244 № 112, ст. 4; 74, ст. 5; 245 ст. 8 и 11); то مَنَا¹⁾ (Huds. p. 6 ст. 2) то زمان (Хам. 375, 473; Six poets ٧٨ № 12 ст. 4.) то دهر (Хамаса 271, 375, 383, 406, 471, 479, 480, 461, 507; Муалл. Тарафы 66²⁾; Six poets ٥١, 26, ст. 7 и 13; ١٢٤, 17 ст. 2; ١٩٥, 4 ст. 3; ١٢٠, 5 ст. 11 и сл.; 11, 8 ст. 3; Huds. poems 7 ст. 25; 41, 4; 74, 5; 148, 1—3; 255, 12); то قَدْر или قَدَر (Хам. 381, 473); то حدثان (Хам. 57, 405); то أم قشعم (Крель для послѣдняго слова не приводит примѣровъ, я же могу указать только на одинъ стихъ 37 Зугейровой муаллаки, изд. Арнольда).

Эта сила соединяетъ людей и разлучаетъ ихъ (Хам. 471) и ее за это нельзя ненавидѣть:

وكذاك يفعل في تصرفه والدهر ليس يناله الوتر

Она лишаетъ человѣка его любезныхъ и ей нельзя дѣлать упреки (Хам. 406):

عن الدهر فاصفح انه غير معتب

Она похищаетъ его и никакія предосторожности не помогаютъ (Хам. 473; муалл. Тарафы 57; Муфаддалиать 145,9 цит. у Альвардта Chalef al ahmars Kaside 92). Она неожиданно и хищно производитъ свое дѣйствіе (الدهر خلاص Huds. p. 148, 1). Она произ-

¹⁾ По Абу-Амру Гудзейлиты произносятся مَنَا ibid 8. строка 4.

²⁾ Изд. Арнольда читаетъ الموت вм. الدهر; но Марзуки въ своемъ комм. на Хамасу приводитъ этотъ стихъ съ чтеніемъ الدهر см. Freytag Hamasae Carth. II, 2, 15 прим. и это чтеніе заслуживаетъ предпочтеніе. Другое — очевидно тенденціозное измѣненіе первоначальнаго текста.

вольно унижаетъ и возвышаетъ людей (Хам. 141). Она, подобно жаждущему верблюду „упивается“ людьми и вторично послѣ короткой паузы упивается (Хам. 375):

نَهَلَ الزَّمَانَ وَعَلَّ غَيْرَ مَصْرَدٍ

Она „ѣсть и пьетъ“ ихъ въ стихѣ Нâбиги ал-Джади (Хам. 375 въ комм. на второй стихъ):

سَأَلْتَنِي عَنْ أَنَاسٍ هَلَكَوْ
شَرِبَ الدَّهْرَ عَلَيْهِمْ وَآكَلَ

или какъ его читаетъ Ибн-Халавейгъ ¹⁾

.. أَكَلَ الدَّهْرَ عَلَيْهِمْ وَشَرِبَ

Сила эта по преимуществу враждебна человѣку, потому что она выбираетъ лучшихъ (Хамаса 445 и 446) и вообще внушаетъ страхъ (الدَّهْرُ رِيَّابٌ см. стихъ ал-Хансâ у Ahlwardt: Verzeichniss arab. Hdschr. Berlin 1871: стр. 9:

يَا عَيْنَ مَالِكٍ لَا تَبْكِينَ تَسْكَابَا
إِذْ رَابَ دَهْرٌ وَكَانَ الدَّهْرُ رِيَّابَا

Она разныхъ видовъ الدَّهْرُ ذُو فَنُونٍ (Хам. 507; الدَّهْرُ اطْوَارٌ Хам. 326), но человѣкъ принадлежитъ ей للغتَى للدَّهْرِ (Хам. 507) الحَى لِلْمَنُونِ (ibid.); المرورَهْنَ مَنِيَّةً (ibid. 322). Вѣчно обновляясь (جدید Huds. roems 41, ст. 4), она совершенно произвольно распоряжается судьбами человѣка. Отъ того-то Зугейръ весьма удачно сравниваетъ её съ „слѣпою верблюдицею“:

رَأَيْتِ الْمَنَابِيَا خَبَطَ عَشْوَاءَ مَنْ نُصِبَ
تَمَّتْهُ وَمَنْ نُحِطَى بِعَمْرِ فِيهِمْ

¹⁾ см. Six poets 164 № 3. Онъ приписываетъ этотъ стихъ Нâбигѣ ад-Дубіани.

т. е., я вижу, что „манаіа“ спотыкается, какъ спотыкается слѣпая верблюдица: кого она настигаетъ, того убиваетъ; кого-же минуетъ, тому дается старость и дряхлость. см. муалл. ст. 49.

Въ какомъ отношеніи эта сила стояла къ арабскимъ божествамъ, въ томъ числѣ и къ Аллаху, нельзя опредѣлить навѣрное. Крель ¹⁾ находитъ наиболѣе вѣроятнымъ, что божества, по вѣрованію арабовъ, хотя не могли измѣнить „дагра“, однакоже были въ состояніи замедлить исполненіе предопредѣленнаго людямъ приговора судьбы. Можетъ быть, что такое вліяніе на судьбу было предоставлено только Аллаху. Хам. 479 одинъ бедуинъ желаетъ „судьбѣ“ проклятія Аллаха:

لما الله الدهر شره قبل خيره

„да проклянетъ Аллахъ судьбу; ея злодѣянія (постигаютъ всегда) прежде ея благодѣяній“.

Какъ бы то ни было, едвали можно отрицать существованіе фаталистскихъ вѣрованій въ древней Аравіи, и этимъ-то обстоятельствомъ объясняется, что мутазилитскія ученія не могли противустоять напору ортодоксальности, не смотря на временную поддержку ихъ свѣтскими властями.

Не смотря на кажущуюся монотонность древне-арабской поэзіи, мы не имѣемъ права оправдывать ею общія сужденія о ней. Она требуетъ, точно также какъ другія отрасли литературы, всестороннихъ изслѣдованій. Тогда только она будетъ служить важнымъ и надежнымъ пособіемъ для исторіи арабовъ, и для лингвистической обработки семитскихъ языковъ вообще. Но самая суть этихъ стихотвореній указываетъ главные пункты, на которые критика должна будетъ обращать вниманіе. Такъ какъ они, по большей части, не плодъ досужей фантазіи, но лирическія изліянія извѣстныхъ лицъ по поводу извѣстныхъ событій, то первою обязанностью критики будетъ изученіе мѣстныхъ условій, словомъ, географіи. Необходимо сгруппировать поэтовъ по племенамъ, чтобы получить понятіе о степени, въ

¹⁾ I. с. 113.

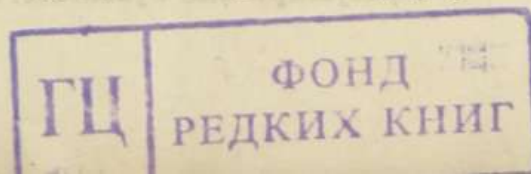
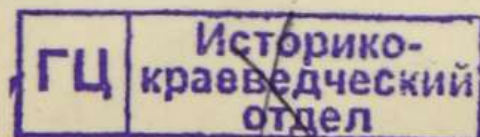

которой одни разнились отъ другихъ; какъ относительно понятій, такъ языка. Если и окажется невозможнымъ подвергнуть этому процессу все племена, по малочисленности дошедшихъ до насъ памятниковъ, то, по крайней мѣрѣ, долженъ быть сдѣланъ опытъ надъ большими группами—Иаманитовъ и Мударитовъ. Черезъ всю доисламскую исторію и первые вѣка ислама красною нитью тянется различіе двухъ арабскихъ расъ, южно-арабской (іаманской, Кахтанидской) и средне-или сѣверо-арабской (исмаилитской, Мударитской, Низаритской или Мааддской). Южно-арабская, нѣкоторымъ образомъ осѣдлая, или скорѣе полу-кочевая, очевидно стояла нѣсколько выше сѣверо-арабской. Не дойдемъ-ли мы до интересныхъ результатовъ сопоставленіемъ древнихъ произведеній обѣихъ расъ?

Неотлагаемымъ требованіемъ является такое раздѣленіе имѣющагося запаса пѣсенъ для семитской лингвистики. Мы знаемъ, что южно-арабское нарѣчіе значительно разнилось отъ другаго, что среди обоихъ нарѣчій было множество діалектовъ. Арабскіе филологи, особенно позднѣйшихъ временъ, которые намъ служатъ источниками, оставили намъ огромные словари, въ которыхъ они, къ сожалѣнію, предполагали вмѣстѣ весь языкъ لغة, но которые въ сущности содержатъ языкъ небывалый и невозможный, и такимъ образомъ оставили намъ трудъ огромный, но необходимый — разборъ этихъ „океановъ“. Діалектическія особенности въ произношеніи и грамматическомъ строѣ, правда, на всегда потрачены, но разработка лексической части обѣщаетъ богатые результаты.

Большія затрудненія причиняетъ намъ образъ дѣйствій позднѣйшихъ арабскихъ литераторовъ касательно памятниковъ ихъ древней литературы. Разсмотрѣніемъ этихъ затрудненій и вытекающихъ изъ нихъ задачъ для изслѣдователя займется слѣдующая глава. Но предварительно я долженъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній объ исторіи развитія древней литературы, которыя, надѣюсь, опять-таки докажутъ необходимость введенія въ изслѣдованіе географическихъ и этнографическихъ данныхъ.

Смѣшно, конечно, было бы желаніе опредѣлить время и форму

перваго стиха, отыскивать въ лѣтописяхъ арабскихъ имя перваго стихотворца. По всѣмъ правиламъ позднѣйшей арабской логики, замѣчу я кстати, первенство должно принадлежать Адаму. Нашъ общій праотецъ, по смерти Авеля, сказалъ слѣдующіе стихи въ размѣрѣ „каміль“¹⁾.

تَغَيَّرَتِ الْبِلَادُ وَمِنْ عَلَيْهَا * فَوَجَّهَ الْأَرْضَ مَغْبَرٌ قَبِيحٌ²⁾
تَغَيَّرَ كُلُّ ذِي طَعْمٍ وَلَوْنٍ * وَقَلَّ بِشَاشَةِ الْوَجْهِ الْمَلِيحِ

т.е. „Измѣнились земли и все что на нихъ, такъ что лице земли стало покрытымъ пылью, гадкимъ — измѣнилось все, что имѣеть вкусъ или цвѣтъ (т. е. все вообще) и уменьшилось веселіе милаго лица“.

Но шутки въ сторону. Дошедшіе до насъ памятники показываютъ, съ одной стороны, замѣчательно развитую и разнообразную метрическую форму, а съ другой — нѣкоторую сложность композиціи. Эта разнообразность и сложность предполагаетъ предшествовавшія ей болѣе простыя формы. Мнѣ кажется, что прототипами арабскихъ стихотвореній мы должны признать боевой крикъ (الوفا) и съ другой стороны рыданіе плакальщицъ (نوح النوايح)³⁾. Столкновение съ противниками, бой и смерть, больше всего должны были задѣвать впечатлительную душу сына степи. Подъ вліяніемъ этихъ „сильныхъ ощущеній“ онъ импровизировалъ (ارتجل) нѣсколько простыхъ стиховъ, и они-то со временемъ принимали болѣе сложныя формы. „Древніе арабы не имѣли поэзіи, за исключеніемъ отдѣльныхъ стиховъ, которые каждый проносилъ по своей надобности“, говоритъ Абу-Амр-б. ал-Ала⁴⁾.
ولم يكن لاوائل العرب من الشعر الا الابيات يقولها الرجل في حاجته

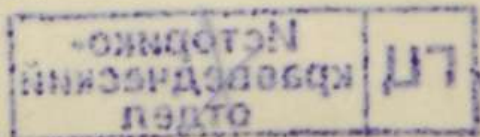
1) Ibn el Athir ed. Thornberg I, 33.

2) Адамъ въ послѣднемъ словѣ втораго стиха позволилъ себѣ поэтическую вольность, которая у его сыновъ, арабскихъ метриковъ, носить имя

اقسواء

3) ср. Нельдеке Beiträge 152.

4) Музгиръ изд. Булакское. II, 237.

Нѣкоторое понятіе о древнѣйшей формѣ этакихъ пѣсенъ могутъ давать на пр. слѣдующіе стихи:

وغا وغا وغا وغا
حرّ الحرار والتظا
وملئت منه الربا
ياحبّدا المحلقون بالضحما

т. е. „Вага, вага, вага, вага¹⁾), жара сильна и усилилась, и наполнились ею холмы. О какъ милы тѣ, которые остригли себѣ волосы“. Эти стихи сказала одна изъ дочерей Ал-Финд-аз-замани въ день сильной битвы Бакритовъ съ Таглибитами, который извѣстенъ подъ именемъ *يوم التحالق*²⁾. Она же сказала еще:

¹⁾ *الوغى* въ позднѣйшее время значило «бой»; но первоначально значило шумъ, крикъ, съ которымъ арабы приступали къ бою. см. Тарафы муалл. по изд. Арнольда ст. 56 и комм. Въ Китаб-ал-агани (изд. Булакское XX, 144) эти стихи напечатаны такъ:

وعا وعا وعا وعا
حرّ الجياد والبطا
ياحبّدا ياحبّدا
المحلّقون بالضحما

Я считаю этотъ вариантъ лучшимъ, чѣмъ чтеніе Тебризи въ Хамасѣ, уже потому, что строки здѣсь всѣ имѣютъ одинаковое число слоговъ, тогда какъ у Тебризи послѣдній стихъ двумя слогами длиннѣе; что же касается до формы *وعا* вмѣсто *وغا*, то она допускается. Вотъ что мы читаемъ (Мисбахъ s. v.)

الوغى مقصور الجلب والاصوات ومنه وغي الحرب وقال ابن جنى الوغى *بالمهملة الصوت وبالمعجمة الحرب نفسها* Этому ученію Ибн-Джинни я не придаю особеннаго значенія: но оно доказываетъ, что обѣ формы были употребительны, по всей вѣроятности въ разныхъ діалектахъ. Впослѣдствіи же грамматисты наши, что онѣ и по смыслу разнятся!

²⁾ Хам. 254 ср. Ibn al Athir I, 395 который называетъ его *يوم تحلاق اللمم*

نحن بنات طارق
 نمشى على النمارق¹⁾
 ان تقبلو نعانق
 اوتدبرو نفارق²⁾

„мы дочери странствующаго, мы ѣдемъ на мягкихъ чапракахъ; если вы подвинетесь впередъ, мы обнимемъ (васъ), если вы обратитесь въ бѣгство, мы удалимся“. Тогда Бакриты произвели нападеніе на враговъ и боролись изо всѣхъ силъ“, прибавляетъ разскащикъ.

Прославленіе собственнаго достоинства или же осмѣяніе противника совершенно естественно могли соединяться въ такихъ неискusstvenныхъ произведеніяхъ, тѣмъ болѣе, что самый языкъ удивительно облегчаетъ стопосложеніе. — Образчикомъ древнѣйшей формы элегіи (مَرثِيَّة) могутъ служить слова, которыя сказала сестра Тааббата-шаррана, когда она получила вѣсть объ его убіеніи въ Рахманъ³⁾.

نِعْمَ الْغَتَى عَادَرْتُمْ بِرَحْمَانَ
 بَثَابَتِ بْنِ جَابِرِ بْنِ سَفْيَانَ
 مَنْ يَقْتُلُ الْقَرْنَ وَيُرْوِي النَّدْمَانَ

т. е. какого молодца оставили вы въ Рахманъ (въ лицѣ) Табит-б. Суфіана, который убивалъ враговъ и насыщалъ товарищей.

¹⁾ ед. نَمْرُقْ напр. Six poets 141 стихъ II.

²⁾ Въ Китаб-ал-агани (I. с.):

ان تقبلوا نعانق
 ونفرش النمارق
 اوتدبروا نفارق
 فراق غير وامق

³⁾ Хам. 382, строка 17 отъ Абу-Мухаммед-ал-Араби.

Элегія, собственно говоря, и не выходила никогда изъ этой рамки. Элегія была любимымъ родомъ поэзіи женщинъ-поэтовъ и это понятно. Женщина-бедуинка въ братѣ, отцѣ, или мужѣ теряла больше, чѣмъ любимаго родственника, она теряла и матеріальную поддержку и свое положеніе въ бедуинскомъ „свѣтѣ“. Лучшими элегіями считаются между прочими и элегіи *ал-Хансі*, женщины изъ племени Сулеймъ, которую Ибн-Кутейба считаетъ превосходнѣйшею арабскою поэтиссою ¹⁾.

Размѣръ предыдущихъ образцовъ — раджазъ ²⁾ — (رَجَزٌ) ямбическій, но допускающій большое разнообразіе. Риѳма въ концѣ каждаго стиха. На вѣдь-ли можно сомнѣваться, что изъ этого размѣра образовались остальные, но самый процессъ ихъ развитія остается пока темнымъ. Разнообразность ихъ мы должны относить частью къ вліянію разнообразія содержанія этихъ лирическихъ изліяній, частью же къ племенному различію. Всѣ вопросы, касающіеся этого различія до сихъ поръ остаются совершенно нетронутыми европейскою наукою, такъ что положительныхъ данныхъ объ употребленіи разныхъ размѣровъ у разныхъ племенъ я не имѣю. Кстати я замѣчу, что въ изданной Козегартеномъ части дивана Гудзейлитовъ, размѣръ *Tawîlz* ³⁾ преобладаетъ, какъ во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ диванахъ и сборникахъ; вѣфиръ значительно преобладаетъ надъ кâмилемъ (37: 15); изъ наиболѣе употребительныхъ размѣровъ хафѳъ вовсе не встрѣчается. — Употребленіе раджаза впрочемъ и въ позднѣйшія времена сохранилось для импровизацій (ارتجال).

Теперь пора обратиться къ касидѣ. Что такое касида? къ какому времени относятся первыя касиды, кому обязана арабская литература этимъ нововведеніемъ? Вотъ вопросы, которые имѣютъ большое значеніе для исторіи арабской поэтической литературы. Отвѣтъ особенно на первый очень труденъ.

1) Nöldeke, Beiträge 153 anm. 1.

2) см. его формы и варіаціи у Лагуса Lärokurs i Arabiska Språket. Helsingfors 1869. p. 367. Изложеніе арабской метрики въ этой превосходной грамматикѣ образцовое.

3) 56 стихотв.

Венрихъ ¹⁾ прежде всего константируетъ, что большая часть арабскихъ и европейскихъ ученыхъ принимаютъ, что касида есть „такое стихотвореніе, на сочиненіе котораго авторъ направляетъ свой умъ, отдѣляя это стихотвореніе отъ другихъ родовъ рѣчи“. — Венрихъ вѣрно замѣчаетъ, что, если принять такое объясненіе, которое въ сущности ничего не объясняетъ, всѣ стихотворенія — касиды. Текстъ, который онъ приводитъ изъ комментарія Ширази на 43 макаму Харири, гласитъ *قصيدة لأنّ الشاعر يقصد انشاءها ويوكل خاطره* что онъ переводитъ: „dicitur Kassida, quod poëta eius compositionem sibi proponat, et ad eam condendam animum intendat, et abrumpat quasi, seu abscindat illam ab aliis orationis generibus“.

Другіе ²⁾, продолжаетъ онъ, думаютъ, что она получила названіе отъ того, что глаголь *قص* именно употребляется поэтами, когда они сообщаютъ, что направляются къ человѣку, имѣющему быть прославляемымъ; другіе производятъ имя отъ значенія „сочинять стихи“, которое, будто бы, имѣетъ глаголь *قصد*, и полагаютъ, что слово *قصيدة* значило первоначально стихотвореніе вообще, а впослѣдствіи получило значеніе стихотворенія болѣе „полированного“ и обдѣланнаго (*carmen limatius ornatiusque*). Самъ Венрихъ находитъ болѣе вѣроятнымъ, что названіе касиды произошло отъ глагола *قصد* въ смыслѣ „держаться истинной мѣры въ чемъ-нибудь (*justum rectumque tenuit modum*) и что она, слѣдовательно, значить — „стихотвореніе по вѣрной формѣ“; получила же она это имя, чтобъ отличать ее, состоящую изъ опредѣленнаго числа стиховъ, соединенныхъ по опредѣленной системѣ, отъ тѣхъ коротенькихъ, безсвязныхъ стихотвореній, изъ которыхъ состояла арабская поэзія до Мугалгила, „изобрѣтателя“ касидъ. Въ доказательство или подтвержденіе своего взгляда онъ приводитъ изъ Камуса объясненіе слова *قَصَدَ*. — Въ концѣ этой цитаты Камусъ

¹⁾ De poeseos hebraicae atque arabicae origine et indole mutuoque consensu atque discrimine Lipsiae 1843 p. 96 sqq.

²⁾ Bohlen de Motenebbio.

гов. والقصيد ما تم شطر ابياته وليس إلا ثلاثة ابيات فصاعدا اوستة عشر

а что онъ переводитъ „قصيد“ poema cujus hemistichia perfecta sunt, constans tribus vel pluribus versibus, vel etiam sedecim pluribus que¹⁾. *Альвардтз*²⁾ прежде всего опровергаетъ Гаммера, который „касиду“ перевелъ „Zweckgedicht“. Затѣмъ онъ объявляетъ, что по его мнѣнiю, „касида есть такое стихотворенiе, которое, имѣя предметомъ восхваленiе одной личности, собственной-ли поэта или другой, трактуетъ этотъ предметъ такимъ образомъ, что затрогиваетъ цѣлый рядъ другихъ представлений, не относящихся, правда, къ восхваленiю известной личности или вообще къ этой личности, но основывающихся на кругѣ идей арабскаго народа“. Развивая это нѣсколько замысловатое объясненiе, онъ находитъ, что существеннѣйшая характерная черта касиды есть именно сочетанiе отдѣльныхъ частей, которыя ничего общаго между собою не имѣютъ, въ одно цѣлое. Это понятiе онъ видитъ и въ названiи касиды: „касида“, говоритъ онъ „значитъ разломанное, раздѣленное на части, и мы дѣйствительно видимъ, что всѣ названныя этимъ именемъ стихотворенiя состоятъ изъ множества частей, которыя потомъ были сочетаемы“³⁾. Причину же, почему составляемое такимъ образомъ стихотворенiе служило преимущественно для восхваленiя одной отдѣльной личности, онъ ищетъ въ томъ, что только такiе панегирики допускали дигрессii, тогда какъ всѣ другiе предметы, любовь, дружба, ненависть, смѣхъ, элегiя, слишкомъ субъективны, чтобы допускать ихъ.

Въ другомъ мѣстѣ⁴⁾ онъ предлагаетъ другое объясненiе, „тѣмъ которымъ первое не понравится“. Такъ какъ стихи раджаза, въ простѣйшемъ ихъ видѣ, всегда оканчиваются на риѣму, размѣры же употребляемые для касидъ всегда состоятъ изъ стиховъ раздѣленныхъ на полустишия, изъ которыхъ только второе сохраняетъ риѣму, то слово касида—само по себѣ значущее „раздѣленный, разломанный“—могло бы означать

¹⁾ I. c. 97.

²⁾ Poesie u. Poetik 61 и сл.

³⁾ Я, признаться, нахожу, что эта этимологiя чрезвычайно неудачна.

⁴⁾ I. c. 64.

стихотвореніе, состоящее изъ такихъ раздѣленныхъ на два полустиха стиховъ. Это, кажется, имѣетъ въ виду Камусъ, говоря, что касида есть стихотвореніе *ما تم شطره*, „полустиха котораго совершенны“. Этими словами, продолжаетъ Альвардтъ, камусъ не могъ сказать, что второе полустихіе должно было быть съ точностію столь же полнымъ, какъ первое — рима часто причиняетъ уклоненія отъ этого — но могъ разумѣть лишь то, что такое стихотвореніе (касида) должно состоять изъ размѣра, составленнаго изъ двухъ полныхъ, т. е. самостоятельныхъ полустихій. Противъ такого объясненія онъ самъ приводитъ, что въ такомъ случаѣ нельзя было бы различать т. наз. *قَطْعَة* отъ касидъ, и что слѣдовало-бы называть касидами всѣ стихотворенія, какъ-то пѣсни винныя, шуточные, любовныя, если они только не писаны размѣромъ раджазомъ. Обратимся къ источникамъ.

Камусъ, какъ мы видѣли, говоритъ: *القصيد ما تم شطر ابياته وليس* т. е. касидъ—такое (стихотвореніе), полустихіе каждаго стиха котораго полно. Называется же такое стихотвореніе касидомъ только, когда оно имѣетъ 3 стиха и больше, или же 16 стиховъ и болѣе. — Турецкій переводъ: *وقصيد شول شعره اطلاق اولنور که شطر ابیاتی تام و کامل اولوب و اوج بیت و اندن زیاده اوله علی قول اون التی بیت ودخی زیاده اوله حالا بین الشعراء هاء اسمیتله تعبير ایتدکلر ایدر لکن جو هری* ¹⁾ *قولی اوزره قصيد قصیده نك جمع جنسیدر سفین و سفینه کمی مترجم دیر که شاعر شعر مزبور ایله بر مقصود قصد ایدر* ²⁾ *اولغله قصیده اطلاق اولنمشدر بونلرک بری قصیده در که قصد عازم; صا دب معیار* сколько ниже отъ *ایله نظم اولور . . . . . اکثر ادبا عندنده یدی بیتدن زیاده اطلاق اولنور* т. е. . . . . . Переводчикъ говоритъ: такъ какъ поэтъ упомянутымъ стихотвореніемъ стремится къ достиженію (извѣстной) цѣли, то и называли его „касидою“. . . . . Одинъ изъ этихъ родовъ (поэзіи) — касида,

¹⁾ см. Сихахъ, рук. Пет. Унив. (Тантави) л. 70 г. послѣдняя строка.

²⁾ Отсюда Гаммеровъ «Zweckgedicht».

которая сочиняется съ какою нибудь рѣшительной цѣлью. . . . .
 Большая часть литераторовъ употребляетъ это имя только для стихотвореній, состоящихъ изъ семи стиховъ и болѣе“. Изъ этихъ словъ выходитъ, что всѣ стихотворенія, имѣющія извѣстное число стиховъ и слѣдующія какому угодно размѣру, лишь бы этотъ размѣръ не مشطور¹⁾, называются касидами; содержаніе не принимается въ соображеніе.

Мухит-ал-мухитъ II стр. 1717:

القصيد من الشعر . . . . слова Камуса. المخ السمين ومن الشعر
المنمَّح المجود . . . . القيصدة الناقة السمينة . . . .
ومن الشعر ماجاوز سبعة ابيات وقيل عشرة

И тутъ о содержаніи ни слова:

Ал-Мисбâх-ал-муниръ²⁾ s. v. الارجوزة القصيدة من الرجز: رجز

Мухит-ал-мухитъ ч. I стр. 704

الارجوزة قصيدة من بحر الرجز جميع مصاريعها مقفاة بقافية واحدة . . . .
 „Арджуза“ اوكل مصرا عين منها على قافية . . . . ويقال لها الارجوزة المزدوجة
 касида въ размѣрѣ „раджазъ“ съ одинаковой римой для всѣхъ полустишій или же съ особенной римой для каждаго стиха; въ послѣднемъ случаѣ она называется الارجوزة المزدوجة.

Тутъ, наоборотъ, принято въ соображеніе содержаніе, и форма оставлена въ сторонѣ, такъ что употребленіе размѣра раджаза не мѣшаетъ извѣстному стихотворенію быть касидой. Не смотря на эти нѣсколько противурѣчащія другъ другу опредѣленія лексикографовъ, позднѣйшіе арабскіе литераторы и поэты соединяли съ именемъ касиды понятіе о стихотвореніи, составленномъ изъ нѣсколькихъ частей, описаній, и въ концѣ концовъ клонящемся къ прославленію какого-нибудь мецената, однимъ словомъ, панегирикъ. — Не безинтересно было бы знать, какъ сами древніе поэты употребляли это слово. Я поэтому

¹⁾ О значеніи слова مشطور см. Freytag Darst. der ar. Verskunst. 116 прим.

²⁾ Рук. Пет. Ун. (Тантâви). № 30.

разберу тѣ мѣста изъ Дивана шести поэтовъ изданнаго Альвардтомъ, дивана Гудзейлитовъ, изданнаго Козегартеномъ, и Хамасы, въ которыхъ встрѣчается слово касида:

1) Ahlwardt, Six poets. ۱۳ № 10 стихъ 5.

Зур'а-б-Амр. б-Хувейлидъ ¹⁾ встрѣтилъ на ярмаркѣ въ Укадѣ знаменитаго поэта Нâбигу-ад-Дубіани ²⁾ и совѣтовалъ ему заставить племя Бану Дубіанъ (племя самого Нâбиги) нарушить союзъ, который былъ заключенъ Дубіанитами съ Асадитами. Нâбига отказался. За этотъ отказъ его преслѣдовалъ Зур'а угрозами. Въ отвѣтъ на эти угрозы Нâбига сочинилъ сатиру на Зур'у. Изъ нея-то сохранились 28 стиховъ. Вотъ первые пять, которые для насъ важны ³⁾:

نَبَيْتُ زُرْعَةَ وَالسَّفَاهَةَ كَأْسِهَا * يَهْدِي إِلَى غَرَائِبِ الْأَشْعَارِ
فَحَلَفْتُ يَا زُرْعَ بْنَ عَمْرٍو إِنِّي * مِمَّا بَشَقُّ عَلَى الْعَدُوِّ ضَرَارِي
ارَأَيْتَ يَوْمَ عُكَاظٍ حِينَ لَقَيْتَنِي * تَحْتَ الْعَجَاجِ فَمَا شَقَقْتَ غُبَارِي
إِنَّا اقْتَسَمْنَا خُطْمَيْنَا بَيْنَنَا * فَحَمَلْتُ بَرَّةً وَأَحْتَمَلْتُ فَجَارِ
فَلتَأْتِيَنَّكَ قِصَائِدٌ وَلَيُدْفَعَنَّ * جَيْشُ الْبَيْكِ قِوَادِمَ الْأَكْوَارِ

„Меня извѣстили, что Зур'а (глупость останется глупостью ⁴⁾) направляетъ противъ меня странные стихи. Но я поклялся, о Зур'а, сынъ Амра, что нанесеніе мнѣ вреда будетъ для врага труднѣйшею изъ задачъ. Развѣ ты не помнишь того дня въ Укадѣ, когда ты меня встрѣтилъ подъ пылью и не могъ разсѣчь моей пыли ⁵⁾? Тогда мы, по истинѣ, мы раздѣлили роли — я выбралъ честность, ты же выбралъ для себя измѣну. Но, по истинѣ, тебя настигнутъ *касиды* и концы

1) 4 стиха его въ Хамасѣ 757.

2) Six poets ۲۱ • Journal asiatique 1868, 12 p. 386.

3) ср. Journ. as. 1. с. p. 274 и сл.

4) Та-же фраза напр. Хамаса 117 Китаб-ал-агани XIX, 43.

5) т. е. вичего не могъ добиться отъ меня.

сѣделъ подвинетъ къ тебѣ войско“¹⁾. Слово „касиды“ тутъ очевидно значить „сатиры“.

2) Six poets. ۳۷, № 9.

„Бану-л-Ушарâ изъ племени Мазинъ взяли въ плѣнъ Кирвâша б. Гинни изъ племени Абсъ, и убили его, желая отмстить за убіеніе имъ ихъ соплеменника Худейфы²⁾“. Антара ал-Абси сказалъ по этому поводу слѣдующіе стихи:

هَدِيكُمُ خَيْرَ اَبَا مِنْ اَبِيكُمُ * اَعَفُّ وَاَوْفَى بِالْجَوَارِ وَاَحْمَدُ
وَاطْعَنُ فِي الْهَيْجَا اِذَا الْخَيْلُ صَدَّهَا * غَدَاةَ الصَّبَامِ السَّمْهَرِيُّ الْمَقْصَدُ
فَهَلَّا وَفَى الْغَوْغَاءُ عَمْرُو بْنُ جَابِرٍ * بِذِمَّتِهِ وَاِبْنِ اللَّقِيْطَةِ عَصِيْدُ
سَيِّاَتِيكُمُ عَنِّي وَاِنْ كُنْتُ نَائِبًا * ذُخَانُ الْعَلَنْدَى ذُوْنَ بَيْتِيْ مَذُوْدُ
قَصَائِدُ مِنْ قَيْلِ اَمْرِيْ بِحْتَدِيكُمُ * بَنِي الْعَشْرَاءِ فَاَرْتَدُّوا وَتَقَلَّدُوا

т. е. Вашъ плѣнникъ выше вашего отца по роду, онъ цѣломудреннѣе и относится честнѣе къ сосѣдямъ, и славнѣе — и храбрѣе въ боѣ, когда самгарійское³⁾, сломанное (копье) въ пору ночнаго набѣга отстраняетъ всадниковъ. Развѣ не сдержалъ ал-Фаугâ⁴⁾, Амр-б-Джâбиръ, своего обязательства, тогда какъ Ибн-ал-лакита⁵⁾ подвергся подозрѣнιάмъ (въ трусости или т. под.). Къ вамъ дойдетъ отъ меня, не смотря на то, что я далеко отъ васъ, густой дымъ⁶⁾, который охраняетъ мой

1) Остальные стихи содержать перечисленіе разныхъ племенъ Асадитовъ и Дубіанитовъ.

2) Six poets ۲۱۳

3) Очень обыкновенный эпитетъ коня см. Муалл. Лебида ст. 50 по изд. Арнольда.

4) Это, быть можетъ, и не собственное имя, но такъ какъ словари не имѣютъ этого слова, то я и не могу дать никакого объясненія

5) т. е. сынъ найденыша. Арабы чествуютъ своихъ противниковъ сынами найденыша, что дѣйствительно довольно обидно для вѣчно хвастающагося своимъ происхожденіемъ араба. См. Комм. Тебризи къ стиху I Хамасы.

6) Это конъектуральный переводъ, котораго я не выдаю за вѣрный.

عَلَنْدَى значить толстый, густой. Употребляется обыкновенно какъ эпитетъ

домъ, *касиды* мужа, который обыкновенно гналъ васъ, бану Ушара.
И такъ, вооружайтесь!

верблюдовъ или лошадей (см. Хамасу 81, стихъ 3 и коммент.) دخان дымъ. Я прибѣгнулъ къ средству, которое, признаться, и самому мнѣ не нравится, т. е. къ такъ называемой *اضافة الموصوف الى صفتِه*, и перевелъ «густой дымъ». Но я обязанъ объяснить читателю, что я понимаю подъ этимъ переводомъ, или скорѣе, какимъ образомъ я связываю «густой дымъ» съ «касидами». Слѣдующій стихъ ясно указываетъ на то, что вся фраза دخان العنبدى الخ есть только картина, метафора, смыслъ которой просто «хотя я и далеко отъ васъ, но берегитесь, мои касиды дойдутъ до васъ!» Представимъ себѣ обстоятельство, которое вызвало эти стихи Антары. Причина, сообщенная выше по схолиасту у Альвардта, очевидно не идетъ къ дѣлу. Въ стихахъ Антары нѣтъ никакихъ даже намековъ на смерть Кирваша; напротивъ того, упоминается какой-то Амр-б. Джабиръ. Первый стихъ въ связи съ третьимъ заставляютъ предполагать, что Бану-Ушарâ, полонившіе Амра, упрекали его въ низкомъ происхожденіи, измѣнѣ обязательству и пр. Противъ этого обвиненія повидимому направлены стихи Антары. Онъ самъ далеко, его мощная рука не можетъ наказать клеветниковъ — и вотъ онъ посылаетъ «густой дымъ» своихъ касидъ. Наши современные поэты не стали бы сравнивать свои произведенія съ дымомъ, да еще съ густымъ! Но это ничего не доказываетъ. Густой дымъ, постоянно поднимающійся надъ жилищемъ бедуина, есть какъ-бы приглашеніе щедраго хозяина: верблюжій горбъ жарится; милости просимъ! Дымъ охраняетъ такимъ образомъ отъ упрека въ скупости. Мало того! При проходѣ чрезъ одну изъ тѣхъ опасныхъ тѣсинъ, которыя служатъ любимымъ «полемъ дѣятельности» арабскихъ разбойниковъ, хоть бы при проходѣ по Дамаскскому Дерб-эл-Газавату (Wetzstein Reiseber. 3), когда даже разговоръ можетъ погубить несчастныхъ странствующихъ, дымъ, т. е. ставка, есть признакъ чрезвычайной храбрости. Отчего бы не сравнить арабскому поэту касиды съ дымомъ? Дымъ охраняетъ его домъ отъ упрека въ скупости и трусости, дымъ распространяетъ славу его щедрости и храбрости. Вотъ всю эту пріобрѣтенную дымомъ славу влагаетъ Антара въ свои касиды и посылаетъ ихъ противнику. Онѣ его уничтожатъ. Арабскіе поэты глубоко проникнуты убѣжденіемъ въ дѣйствительной силѣ своихъ стиховъ. «Когда стихи распространились, они подобны скаламъ; никакое подозрѣніе не можетъ уменьшать ихъ ходъ (Six poets ۳۰, № 29, 7); ими онъ платитъ обижавшимъ его; и стихи проникаютъ всюду, когда даже концы копій безсильны (ibid. 110, стр. 1)». Они даже не уничтожаются «дагромъ» (Хамаса 299), всесильное могущество котораго мы видѣли выше. Гнѣвъ Антары, въ поэтической формѣ, неотразимъ. Это, такъ сказать, его поэтическая специальность (Музгиръ II; 240). Спрашивается, какое же было Антарѣ дѣло до этого Амра? Вотъ какое: Антара, какъ извѣстно происходилъ не изъ чистой арабской расы; его мать была негритянка, онъ самъ только вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ получилъ свободу. Какъ всѣ

Въ этомъ стихѣ слово касида опять таки можетъ значить только „сатира“.

3) Six poets ۱۳۳ № 28.

رَبُّ طَعْنَةٍ مِّنْ عَجْرَةٍ
وَجَفْنَةٍ مِّنْ خَيْرِ
وَقَصِيْلَةٍ مِّنْ خَيْرِ
تَبَقَى غَدًا فِي أَنْقَرِهِ

„Сколько ударовъ (копьемъ), проливающихъ кровь,
сколько полныхъ блюдь,
сколько прекраснѣйшихъ касидъ
останутся (послѣ меня) завтра въ Анкирѣ.

Эти стихи сказалъ Имру-л-кейсъ, когда онъ умиралъ въ Анкирѣ¹⁾. — Въ изданномъ де-Сленомъ диванѣ эти стихи не находятся, но въ Китâб-ал-агани они помѣщены (Divan d'Amrolkeis p. 17) съ значительными вариантами. — Слово *касида* въ нашихъ стихахъ очевидно

высочки, или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, онъ вѣроятно не любилъ, чтобы ему напоминали объ его происхожденіи. У Шаддâда, отца Антары, былъ братъ Джабиръ, (Wüstenfeld. geneal. Tabell. Ismail. Stämme H, 18). Нельзя-ли будетъ признавать упоминаемаго Антарю Амра за сына этого Джабира, слѣдовательно за *ابن عم*, двоюроднаго брата, Антары? Бану Ушара полонили его. Чтобы обидѣть Антарю, вождя ненавистныхъ Абситовъ, они, быть можетъ, предлагали ему выкупить двоюроднаго брата за какую-нибудь бездѣлицу, за козла или т. п. инсинуируя ему, что вы-де всѣ ни гроша не стоите, вы просто сволочь какая-нибудь. Вотъ причина гнѣва Антары и причина тѣхъ прекрасныхъ стиховъ, которые вызвали эту длинную замѣтку. Остается только желать, что бы мой переводъ и мое объясненіе не разлетѣлись какъ настоящій европейскій дымъ, при столкновеніи съ какимъ-нибудь грамматическимъ аргументомъ. Тутъ, пожалуй, покажется, что я изъ traduttori попалъ въ traditori, что, впрочемъ, довольно легко для переводчика арабской поэзіи.

¹⁾ Six poets ۲۲۲

означаетъ вообще „стихи“. Болѣе определенное значеніе наврядъ-ли можно вывести изъ этого мѣста.

4) Hudsailian poems I, p. 130 № 69 ст. 1.

أَقْسَمْتُ لَا تَنْسَى مَقَالَ قَصِيدَةٍ * أَبَدًا فَمَا هَذَا الَّذِي يَنْسِينِي

„ты поклялся, что никогда не забудешь словъ одной касиды, — что же заставитъ меня забыть?“

Для уразумѣнія этого мѣста и опредѣленія значенія, которое здѣсь имѣетъ слово касида, я долженъ изложить содержаніе двухъ предшествующихъ этому стихотворенію піесъ:

стр. 124; Два Гудзейлита жили въ Египтѣ. Одинъ — Бадр-б. Амиръ, другой Абу-л-Іааль. У Абу-л-Іааля былъ племянникъ. Этотъ племянникъ стоялъ какъ-то разъ среди толпы, гдѣ происходили поэтическія препиранія (قوم انتضلوا) ср. Хамасу стр. 441). Вдругъ попала въ него стрѣла и убила его. Абу-л-Іааль завелъ споръ по поводу убіенія своего племянника и заподозрилъ Бадра, что онъ клонится на сторону тѣхъ, которыхъ онъ (Абу-л-Іааль) ненавидитъ, и боялся, чтобъ онъ не помогаль имъ. Чтобы отклонить отъ себя это подозрѣніе, Бадръ сказалъ стихи (№ 66), въ которыхъ онъ восхваляетъ Абу-л-Іааля и объявляетъ, что онъ его считаетъ своимъ братомъ и лучшимъ другомъ. На эти стихи Абу-л-Іааль отвѣчалъ (№ 67), что онъ въ его дружбу не вѣритъ, потому что онъ на дѣлѣ не доказалъ ея, не заступался, не защищалъ его, когда враги напали на него, но помогъ врагамъ его (Абу-л-Іааля). „Всякое слово, которое ты сказалъ, обижаетъ меня и вредитъ мнѣ“.

Бадръ очень обидѣлся этимъ отвѣтомъ на его дружескіе стихи и отвѣчаетъ (№ 68), что онъ поклялся, что никогда не забудетъ этого поступка, и приглашаетъ Абу-л-Іааля обращаться съ нимъ такъ, какъ самъ онъ поступаетъ, т. е. воздать добромъ за добро. — Это-то выраженіе повторяетъ Абу-л-Іааль въ первомъ стихѣ № 69: „ты“, говоритъ онъ, „поклялся, что не забудешь словъ касиды“. Абу-л-Іааль слѣдовательно разумѣетъ свой отвѣтъ (№ 67) на первое стихотвореніе Бадра (№ 66). Характеръ подлежащаго стихотворенія ближе всего можно опредѣлить словомъ „сатира“, по край-

ней мѣръ никто не станетъ отрицать *полемическаго* направле-
нія его ¹⁾).

5) Huds. poems № 95.

Сагмъ сынъ Усамы любилъ женщину изъ своего племени, Лейлу,
дочь ал-Хариса; ей посвятилъ онъ много стихотвореній, между про-
чимъ и № 96, которое кончается такъ:

15. فَزَالَتْ بَلِيلِي مَاحِيَتُ قَصِيدَةً * دُرِّشَعُ لَمْ تَوْشَبْ وَلَمْ تَتَّحَلِّ

16. بَجْدِ بَلِيلِي كُلِّ عَامٍ عَرُوضُهَا * ذَلُولٌ لِرَاوِي الشِّعْرِ وَالْمَثَلِ

17. يُغَرِّدُ رَكْبًا فَوْقَ خُوصٍ سِوَاهِمِ * بِهَا كُلُّ مُنْجَابِ الْقَمِيصِ شَمْرَدَلِ

т. е., пока я живъ, въ честь Лейлы будетъ пѣться касида хорошо
составленная, безупречная, оригинальная; въ честь Лейлы ежегодно
возобновится размѣръ ея, и онъ будетъ удобнымъ для рецитатора сти-
хотвореній и поговорокъ. Ею (этою касидою) всякій красавецъ въ
разорванной (отъ многаго странствованія или борьбы) рубахѣ будетъ
восхищаться бдущихъ на тощихъ, съ впалыми глазами (верблюдицахъ) ¹⁾.

Тутъ, если только мой переводъ первой строки вѣренъ, касида
значить хвалебную пѣснь, панегирикъ.

Но это исключительное обращеніе поэта къ Лейлѣ не замедлило
возмутить чувство справедливости современнаго Сагму поэта Умейи
б. Аби-л-Аида (أُمَيَّةُ بْنُ أَبِي الْعَائِذِ), который въ № 96 старается пре-
возносить другую женщину, Умм-Нâфи (أُمُّ نَافِعٍ). Сынъ Сагма б.
Усамы, Іâсъ (إِيَّاسُ), въ свою очередь, защищаетъ Лейлу и бранитъ
Умейю. Въ его-то стихотвореніи (№ 97) встрѣчается слово касида,
въ стихѣ 17. Онъ говоритъ:

16. وَنَحْطُمُ مَأْمُونَ الْقَنَاةِ إِذَا بَغَتْ * عَلَيْنَا وَنَسَعَى بِالذُّعَافِ الْمَثَلِ

17. فَأَقْصِرْ وَلَمْ تَجْرِ الْقَصَائِدُ بَيْنَنَا أَوْابِدُ إِلَّا تَحْبِسُوهَا تَغْلَغَلِ

18. عَوَارِقُ لَا تَبْقَى عَلَى الْعَظْمِ مُزْعَةً * مَيَاسِيرُ لِلسَّجَاعِ وَالْمَتَعَلِّ

¹⁾ Абу-л-Іâль родился до ислама, умеръ при Муавіи; поселился въ Египтѣ
при Умарѣ. Китаб-ал-агани XX. 167 и 168.

²⁾ Смыслъ: Вся степь будетъ знать эту касиду, и восхищаться ею.

„мы ломаемъ крѣпкія копья, когда они направлены противъ насъ, и подносимъ (противникамъ) такой ядъ, (какой они намъ). Воздержись-же! Касиды не имѣютъ хода между нами“..... Дальше я не рѣшаюсь переводить, по тому что рѣшительно не могу объяснить себѣ смысла слѣдующихъ словъ *او ابر الا تحبسوها تغلغل* и пр. Съ достовѣрностью слѣдовательно я и не могу опредѣлить значенія слова касиды. Если 16-й стихъ какъ бы указываетъ на то, что подъ словомъ *القصاص* поэтъ здѣсь разумѣлъ сатиры, то съ другой стороны предыдущія стихотворенія позволяютъ относить „касиды“ къ нимъ, и въ такомъ случаѣ мы должны придать „касидамъ“ значеніе хвалебныхъ пѣсенъ (Лейль и Умм-Нафи).

Весь этотъ циклъ поэмъ (№ 90—102) относится впрочемъ къ концу перваго вѣка гиджры. Умейя б. Аби-л-Аидъ¹⁾ жилъ при дворѣ египетскаго намѣстника Абд-ал-азиза, († 703 н. Р. Хр.)²⁾ сына Марвана и отца благочестиваго халифа Умара втораго (717—720).

6) Въ Хамасѣ (стр. 193 и сл. Фрейтагова изданія, л. 19 в рукописи азіатскаго музея за № 22) мы читаемъ стихотвореніе Башамы б. Хазна (*بشامة بن حزن النهشلي*), поэта по всей вѣроятности доисламскаго³⁾. Я помѣщаю здѣсь всѣ стихи, потому что вся пьеса въ высшей степени важна для интересующаго насъ предмета, опредѣленія значенія касиды.

1. وَلَقَدْ غَضِبْتُ لِحُنْدِي وَلَقَيْسِهَا * لَمَّا وَنَى عَنْ نَصْرِهَا خَذَّالَهَا
2. دَافَعْتُ عَنْ أَعْرَاضِهَا فَمَنَعْتَهَا * وَلَدَى فِي أُمَّتِهَا أُمَّتَالَهَا
3. إِنِّي أَمْرٌ وَأَسْمُ الْقَصَائِدِ لِلْعِدَى * إِنَّ الْقَصَائِدَ شَرُّهَا أَغْفَالَهَا
4. قَوْمِي بَنُو الْحَرْبِ الْعَوَانِ بِجَمْعِهِمْ * وَالْمَشْرِفِيَّةُ وَالْقَنَا إِشْعَالَهَا

¹⁾ См. о немъ Китаб-ал-агани XX, 115.

²⁾ См. Weil. Gesch. der islam. Völker 94.

³⁾ Ему приписывается нѣкоторыми прекрасное стихотвореніе Хамаса стр. 45 и сл. которое Абу-Мухаммедъ ал-Араби относитъ къ старшему Мураккишу. *ibid.* 49).

5. مَا زَالَ مَعْرُونًا لِمَرَّةٍ فِي الْوَعَا * عَلَّ الْقَنَا وَعَلَيْهِمْ إِنهَالهَا

6. مِنْ عَهْدٍ عَادِ كَانَ مَعْرُونًا لَنَا * أَسْرُ الْمُلُوكِ وَقَتْلَهَا وَقِتَالَهَا

т. е. „да, я горячился за Хиндифитовъ и (принадлежащихъ къ нимъ) Кейситовъ, когда обманщики изъ нихъ переставали помогать имъ. Я защищалъ ихъ честь, я охранялъ ихъ; въ подобныхъ случаяхъ я располагаю подходящими средствами ¹⁾).

Я, по истинѣ, человекъ, который мѣтко обозначаетъ враговъ въ касидахъ (буквально: я точно обозначаю касиды врагамъ); худшія касиды вѣдь тѣ, которыя не содержатъ такого мѣткого обозначенія. Весь мой родъ—сыны продолжительной войны, которую воспламенили мечи машрафитскіе и копья. Племя Мурра ²⁾ никогда не переставало славиться за напоеніе (копій кровью) въ пору борьбы; ему же и подобаешь вторичное напоеніе (копій кровью). Со временъ Аада мы славились за полоненіе царей и убіеніе ихъ и борьбу съ ними“.

Второй и третій стихи этой пѣсни можно, пожалуй, переводить нѣсколько иначе, но наврядъ-ли удастся безъ натяжки истолковать слова الْقَصَائِدِ въ третьемъ стихѣ другимъ образомъ, чѣмъ я сдѣлалъ. Они оба раза значать *сатиры*.

Въ Китâб-ал-агани (de Slane, divan d'Amrolkeis p. ۲) приводится слѣдующій стихъ Фараздака:

وَهَبَ الْقَصَائِدَ لِي النَوَائِعُ إِذْ مَضَوْا * وَأَبُو الْبَيْرِيدِ وَذَوَالْقُرُوعِ وَجَرَوْلُ

т. е. „Мнѣ подарили при уходѣ ³⁾ касиды оба Набиги, Абу-л-Газидъ, Зу-л-Курухъ и Джарвалъ“. — Зу-л-Курухъ—это Имру-л-кейсъ, два Набиги—Набига Дубіани и Набига Джади, Абу-л-Газидъ—поэтъ Ал-

¹⁾ Этотъ нѣсколько неопредѣленный переводъ можетъ быть ближе всего подходить къ смыслу текста. Тебризи предполагаетъ тройкаго рода переводъ, см. его комм. къ этому стиху.

²⁾ Къ которому принадлежитъ и родъ Нагшалитовъ.

³⁾ т. е. эти поэты оставили мнѣ въ наслѣдство касиды, они мои предшественники.

Мухаббаль¹⁾, Джарваль — Ал-Хутайа. Послѣдній былъ извѣстный сатирикъ, отличавшійся злословіемъ, и ядовитостью своихъ сатиръ²⁾. Къ сожалѣнію Китаб-ал-агани остальныхъ стиховъ этого стихотворенія Фараздака не даетъ, такъ что мы лишены возможности опредѣлить въ точности значеніе слова „касида“. Вѣроятно же всего, какъ мнѣ кажется, что Фараздакъ разумѣлъ здѣсь вообще всѣ роды поэзіи, потому что онъ насчитываетъ именно поэтовъ, отличавшихся въ разныхъ родахъ поэзіи.

Приведенныя мѣста изъ дивановъ Набиги, Антары, Гудзейлитовъ и Хамасы ясно показываютъ, что касидами назывались и сатиры, или точнѣе стихотворенія, направленныя противъ кого нибудь. Если принять въ соображеніе, что касидами назывались и хвалебныя пѣсни, въ чемъ нельзя сомнѣваться, то мы должны признать слово „касида“ синонимомъ словъ *قوافی*, *شعر* и т. подобныхъ общихъ выраженій, съ тѣмъ развѣ отбѣнкомъ, что касида всегда обращалась къ извѣстнымъ личностямъ, имѣя въ виду то бранить ихъ, то хвалить, и этимъ-то она отличалась отъ непосредственныхъ продуктовъ страстныхъ порывовъ — боевыхъ пѣсенъ и рыданій плакальщицъ. Касида, по видимому, есть сознательное произведеніе поэта въ противоположность безсознательному народному творчеству. — Позднѣйшіе филологи и поэты употребляли слово касида въ болѣе тѣсномъ смыслѣ панегирика, составленнаго по извѣстнымъ правиламъ, по образцу нѣкоторыхъ древнихъ произведеній. Тутъ нечего удивляться. Въ позднѣйшей поэтической литературѣ панегирикъ получилъ такой перевѣсъ надъ прочими родами поэзіи, что общее названіе касида легко могло утратить часть своего первоначальнаго значенія, сохранившись для выраженія другой.

• Опредѣлить время, въ которое былъ сдѣланъ первый шагъ отъ чисто-народной поэзіи къ стихотворству, невозможно; кѣмъ онъ былъ сдѣланъ, также должно оставаться не рѣшеннымъ. Исслѣдованію досту-

¹⁾ см. Ибн-Дурейда Китаб-ал-иштикакъ изд. Вюстенфельда стр. 157. Мухаббаль, кажется, также преимущественно сатирикъ. Въ комм. на Хамасу стр. 666 внизу и 667 Тебризи намъ сохранилъ одну изъ его сатиръ. см. еще Proverbia Arab. I, 416.

²⁾ *وكان خبيث اللسان هجاء* ibid. 170.

пень развѣ только вопросъ къмъ и когда введены были тѣ формы, которыя казались всѣмъ послѣдующимъ поэтамъ и критикамъ верхомъ совершенства, и достойными слѣпаго подражанія.

Вотъ нѣсколько замѣтокъ по этому вопросу разныхъ арабскихъ ученыхъ ¹⁾.

Отъ *Ибн-Саллама ал-Джумахи* ²⁾

لم يكن لاوائل العرب من الشعر الا الابيات يقولها الرجل في حاجته
وانما قصدت القصائد وطول الشعر على عهد عبد المطلب او هاشم بن
عبد مناف وذلك يدل على اسقاط عاد وثمود وحمير وتبع فمن قديم الشعر

слѣд. стихи изданные Альвардтомъ въ *Poesie u. Poetik*, стр. 1 арабскаго текста.

¹⁾ و منهم زهير بن جناب الكلبى كان قديما شريفا و هو القائل
اذا قالت حذام فصدقوها * فان القول ما قالت حذام
و منهم جذيمة الابرش ولجيم بن صعب بن علي بن بكر بن وائل
وهو القائل

من كل ما نال الفتى * قد نلته الا التحية
وقال عمرو القيس بن حجر

عوجا علي طلل الديار لعلنا * نبكى الديار كما بكى ابن حذام
وهو رجل من طيبي لم نسمع شعره الذى بكى فيه ولا شعرا غير هذا البيت
الذى ذكره عمرو القيس وكان اول من قصد القصائد وذكر الوقائع
المهلل بن ربيعة التغلبى فى قتل اخيه كليب قال الفرزدق * ومهلل الشعرا
ذاك الاول * وزعمت العرب انه كان يتكثر ويدعى فى قوله باكثر من فعله

¹⁾ Слѣдующія здѣсь мѣста изъ Музгира Суюти отчасти переведены и цитованы почти всѣми писавшими о древне-арабской поэзіи, Френелемъ, Венрихомъ, Альвардтомъ и пр. Но текстъ, сколько мнѣ извѣстно, въ Европѣ еще не изданъ. По этому я считаю не лишнимъ привести его здѣсь, тѣмъ болѣе, что этимъ я избѣгну постоянныхъ ссылокъ на извѣстныя сочиненія названныхъ авторовъ.

²⁾ Изд. Булакское II, 237 и сл.

³⁾ II, 238.

..... وقال عمر بن شبة في طبقات الشعراء للشعر والشعراء اول لا يوقف عليه وقد اختلف في ذلك العلماء وادعت القبائل كل قبيلة لشاعرها انه الاول ولم يدعوا ذلك لقائل البيتين والثلاثة لانهم لا يسمون ذلك شعرا فادعت اليمانية لامرئ القيس وبنو اسد لعبيد بن الابرص¹⁾ وتغلب لمهلهل وبكر لعمر وبن قمئة و المرقش الاكبر²⁾ وايباد لابي دواد قال وزعم بعضهم ان الافوه الاودي³⁾ اقدم من هولاء وانه اول من قصد القصائد قال و هولاء النفر المدعى لهم التقدم في الشعر متقاربون⁴⁾ لعل اقدمهم لا يسبق الهجرة بمائة سنة او نحوها وقال تغلب في اماليه قال الاصمعي اول من بروى (تروى ٤) له كلمة تبلغ ثلاثين بيتا من الشعر مهلهل ثم ذويب بن كعب بن عمر بن تميم ثم ضمرة رجل من بني كنانة والاضبط بن قريع قال وكان بين هولاء وبين الاسلام اربعمائة سنة وكان امرؤ القيس بعد هولاء بكثير وقال ابن خلويه في كتاب ليس اول من قال الشعر ابن حزام

И такъ Ибн - Салламъ относитъ первыя касиды ко времени Абд-ал-Мутталиба (дѣда Мухаммеда) или Гашима б. Абд-Манафа, и приписываетъ ихъ Мугалгилю, главѣ христіанскаго племени Таглибитовъ. За Мугалгилемъ признаетъ первенство и Асмаій, но утверждаетъ, по реферату Салаба, что Мугалгиль жилъ за 400 лѣтъ до Мухаммеда. Это очевидная нелѣпость и Френель⁵⁾ справедливо отрицаетъ возможность, чтобъ ученый Аласмаій могъ сказать подобную вещь. Мугалгиль былъ дядя Имру-л-кейса по матери, слѣдовательно жилъ не многимъ раньше его. Мугалгиль, говорятъ, сочинилъ первыя касиды по поводу убіенія его брата Кулейба, убіенія, которое по словамъ арабскихъ лѣтописей было главнѣйшею причиною сорока-лѣтней войны между племенами Бакритовъ и Таглибитовъ, извѣстной подъ именемъ حرب البسوس⁶⁾.

1) О немъ Kitab-ал-аг. XIX, 84.

2) О немъ см. Kitab-ал-агани V. 189 и сл.

3) О немъ Kitab-ал-аг. XI, ٢٢٢

4) стр. 239.

5) Première lettre 84.

6) См. о подробностяхъ Caussin Essai II, p. 278 и сл. Ibn el Athir I p.

Это заставляет предполагать, что эти-то первые касиды были именно элегического свойства, пѣсни, жаждущія мести, въ соединеніи съ жалобами на судьбу, лишившую Таглибитовъ такого вождя. До насъ дошли нѣкоторыя изъ этихъ „касидъ“¹⁾. Френель полагаетъ²⁾, что Зугейр-б-Джанабъ заслуживаетъ честь быть названнымъ сочинителемъ первой касиды. — Разумнѣе другихъ арабскихъ ученыхъ разсуждаетъ Умар-б-Шабба, когда онъ говоритъ, что о первыхъ поэтахъ и первыхъ стихотвореніяхъ (не считая отдѣльныхъ какихъ-нибудь стиховъ) ничего достовѣрно не извѣстно. „Племена“, говоритъ онъ, „приписываютъ каждое своему любимому поэту первую касиду, Таманиты Имру-л-кейсу, Асадиты Абид-б-ал-Абрассу, Таглибиты Мугалгилю, Бакриты Амру б. Каміа и старшему Мураккишу, Іадиты Абу-Дуаду; нѣкоторые утверждаютъ, что древнѣйшій поэтъ ал-Афвагъ ал-Ауди. Всѣ же эти лица жили приблизительно около того же времени, и древнѣйшій изъ нихъ не жилъ за 100 лѣтъ до Гиджры“. Мы ничего не можемъ рѣшить въ этомъ спорѣ; мы можемъ только констатировать, что въ концѣ концовъ Мугалгиль имѣетъ больше шансовъ у позднѣйшихъ арабскихъ филологовъ, чему не мало конечно способствовалъ приведенный выше стихъ Фараздака³⁾

و مهلهل الشعراء ذاك الاول

Впослѣдствіи находили, что само его прозвище указываетъ на его заслуги объ арабской поэзіи, между тѣмъ какъ другіе полагаютъ, что онъ получилъ прозвище Мугалгиль отъ употребленія корня مهلهل въ одномъ стихѣ. Вотъ, что говоритъ Суюти⁴⁾.

ومنهم أمرو القيس بن ربيعة بن مرة التغلبي وهو مهلهل سمى بقوله

1) Ибн-ал-Асиръ I. с., Fresnel première lettre (по Ибн-Абд-раббиги) p. 22 sqq.

2) Seconde lettre Journal as. III série 3, p. 360.

3) Этотъ стихъ по всей вѣроятности, судя по размѣру и рифмѣ, принадлежитъ къ тому же стихотворенію къ которому принадлежатъ вышеприведенныя слова Фараздака
وهب القصائد لي النوابع الخ

4) Музгиръ II, 219.

لما توعر في الكراع هجينهم
هللت اثار جابرا او صنبل¹⁾

قلت وفي طبقات الشعراء لمحمد بن سلام ان اسمه عدى وانه سمى
مهلهلا لهلهة شعره كهلهة الثوب وهو اضطرابه واختلافه وفي الصحاح يقال
سمى مهلهلا لانه اول من ارق الشعر

Но ни дошедшія до насъ касиды Муталгиля, ни стихотворенія Зугейра б. Джанаба, не показываютъ малѣйшихъ слѣдовъ той сложности композиціи, которую мы обыкновенно соединяемъ съ идеею о касидѣ, и которая для поэтовъ послѣ исламскихъ дѣйствительно болѣе или менѣе обязательна. Древнѣйшіе образцы такихъ касидъ безъ сомнѣнія были произведенія Имру-л-кейса, блуждавшаго Киндитскаго царя, вся жизнь и походы котораго, равно какъ и смерть его, окружены сѣтью мифовъ, носящихъ отчасти даже не арабскій характеръ.

Оріенталисты прошлаго вѣка и начала нынѣшняго считали его современникомъ Мухаммеда, котораго онъ будто-бы преслѣдовалъ сатирами, и давали Мухаммеду въ защитники Лабида. Все это основывалось на одномъ мѣстѣ изъ біографій поэтовъ (تذكرة الشعراء) персидскаго литератора Девлет-шаха Самарканди²⁾. Де Сленъ первый доказалъ несостоятельность этого извѣстія и пытался опредѣлить приблизительно время царя-поэта, и нашель, что онъ во всякомъ случаѣ окончательно оставилъ Аравію до рожденія Мухаммеда. Другіе новѣйшіе изслѣдователи, Коссенъ, Рюккертъ и пр. придерживаются того же мнѣнія, и нужно согласиться, что при всей темнотѣ, которая еше господствуетъ въ области доисламской хронологіи, эпоха Имру-л-кейса все-таки опредѣлена съ большею вѣроятностью, чѣмъ многіе другіе факты. Если по этому г. Холмогоровъ³⁾ Имру-л-кейса объявляетъ современни-

¹⁾ Въ турецкомъ Камусѣ:

لما توغل في الكراع هجينهم
هللت اثار مالكا او صنبل

²⁾ de Slane Divan d' Amrulk. XVII.

³⁾ Учен. Зап. Каз. Унив. за 1862 г. Вып. I, отдѣлъ второй, стр. 55 и прим.

комъ Мухаммеда и въ примѣчаніи съ нѣкоторою торжественностью, но безъ указанія какихъ-либо источниковъ, констатируетъ, что „Имрилькайсъ писалъ сатиры на Мухаммеда“, чѣмъ онъ даже хочетъ опровергать мнѣніе одного новѣйшаго французскаго писателя, то онъ только доказываетъ, что новѣйшая спеціальная литература по этой части осталась ему неизвѣстной.

Интересно однакоже еще одно обстоятельство. Самъ Имру-л-кейсъ сознается, что, „плачь у слѣдовъ ставки возлюбленной“, который играетъ такую огромную роль въ позднѣйшихъ касидахъ, былъ введенъ въ касиды еще до него. Я разумѣю приведенный и въ Музгирѣ стихъ: ¹⁾

عوجا على طلل الديار لعلنا * نبكى الديار كما بكى ابن حزام

своротите, вы оба (коней своихъ), къ слѣдамъ жилищъ; мы поплачемъ надъ жилищами какъ плакалъ Ибн-Хадзами“.

Въ Диванѣ по изданію де Слена ²⁾ первое полустишіе гласитъ

عوجا على الطلل المحبيل لأننا

у Альвардта ³⁾

عوجا على الطلل المحبيل لعلنا

نبكى الديار كما بكى ابن خذام

и въ сочиненіи ал-Амиди († 371 см. Flügel: Gram. Schulen стр. 100 и de Slane Ibn Khallikan's Bibliographical dictionary I p. 354 note 2) الموازنة بين ابى تمام والبحترى, также какъ у Альвардта; имя Хадзамъ только писано, какъ у де Слена, чрезъ х безъ точки ⁴⁾ (حزام).

Арабскіе филологи почти ничего не знаютъ объ этомъ Ибн-Хадзами. Арабскій комментаторъ у де Слена ⁵⁾ говоритъ, что это былъ поэтъ,

¹⁾ см. выше стр. 35

²⁾ стр. 36 строка 8.

³⁾ Six poets 10V № 59 ст. 4.

⁴⁾ см. выходящую въ Константинополѣ ар. газету الجوائب отъ 22-го Ноября 1871 года.

⁵⁾ p. 108.

который до Имру-л-кейса упоминалъ оставленные жилища и выражалъ въ своихъ стихахъ горе, которое причинялъ ему видъ ихъ. Другой комментаторъ довольствуется сухимъ замѣчаніемъ *ابن حزام شاعر قديم*. Ибн-Салламъ говоритъ, что онъ никогда ничего не слыхалъ о стихахъ Ибн-Хадзами, человека изъ племени *Тай*. Ибн-Халавейги говоритъ что „Ибн-Хадзамъ не былъ первымъ сказавшимъ стихи“, въ чемъ и безъ Ибн-Халавейги никто не сомнѣвался.

Нельдеке ¹⁾ замѣчаетъ, что манера, съ которою Имру-л-кейсъ говорить о своемъ предшественникѣ, заставляетъ предполагать, что введеніе „насиба“ (первые стихи касидъ, въ которыхъ поэтъ воспѣваетъ свою возлюбленную) было еще ново во время Имру-л-кейса, съ чѣмъ нельзя не согласиться. Во всякомъ случаѣ Имру-л-кейсъ далеко превзошелъ своего предшественника и позднѣйшіе даже лучшіе доисламскіе поэты подражали ему; съ его легкой руки степь и горы, равно какъ и дворы сѣверо-арабскихъ князьковъ наполнились „плачемъ“ объ исчезновеніи возлюбленной, такъ что уже Антара, жившій можетъ быть 40 годами послѣ него, съ отчаяніемъ, достойнымъ поэта XIX вѣка, спрашиваетъ: „оставили-ли поэты невоспѣтымъ какое нибудь мѣсто ставки“

هل غادر الشعراء من مئرتنم

Поэты роскошныхъ аббасидскихъ и омейдскихъ дворовъ въ трехъ частяхъ свѣта вторили имъ, и впослѣдствіи, во время упадка арабской поэзіи, всякое поползновеніе къ отступленію отъ этихъ избитыхъ формъ, считалось чуть-ли не святотатствомъ.

Фактъ, что изобрѣтателемъ или по крайней мѣрѣ распространителемъ этого рода сложныхъ стихотвореній былъ арабъ іаманской расы, и именно одна изъ царствующихъ особъ этой расы, не лишенъ значенія, особенно если его сопоставить съ большимъ вліяніемъ, которое вообще имѣли сѣверо-арабскіе князьки (происходившіе всѣ изъ той же расы), на развитіе поэтической литературы. Мы видимъ, что лучшіе доисламскіе поэты, Набига Дубіани, Муталаммисъ, Тарафа

¹⁾ Beiträge p. I.

и пр. имѣли болѣе или менѣе важныя сношенія съ Хирскими или Восточными царьками. Хирскіе цари кажется сдѣлали и первыя попытки фиксировать лучшія произведенія письмомъ, если только подтвердится нижеслѣдующее извѣстіе: Музгиръ изд. Булакское I, 121.

قال ابو عمرو بن العلاء ما انتهى اليكم مما قالت العرب الا اقله
ولو جاءكم وافرا لجاءكم علم و شعر كثير و عن حماد الراوية قال امر النعمان
بن المنذر فنسخت له اشعار العرب في الطنوح (الطنوج. ч) وهي
الكراريس ثم دفنها في قصره الابيض فلما كان المختار بن ابي عبيد الثقفي
قيل له ان تحت القصر كنزا فاحتفره فاخرج تلك الاشعار فمن ثم اهل
الكوفة اعلم بالشعر من اهل البصرة

„Абу-Амр-б. ал-Ала̄ говоритъ: до васъ дошла только самая малая часть того, что Арабы сказали; если бы оно дошло до васъ въ изобиліи, то вы имѣли бы большое знаніе и много стихотвореній. Отъ Хаммад-ар-равіи: Нуман-б. Мундзиръ приказалъ собирать для него стихотворенія арабовъ въ листы. Потомъ онъ зарылъ эти листы въ своемъ „бѣломъ дворцѣ“. Когда Мухтър-б. аби Абид-ас-Сакафи былъ (въ Куфѣ), сказали ему, что подъ дворцомъ зарытъ кладъ. Мухтъръ велѣлъ вырыть его и такимъ образомъ нашелъ эти стихотворенія. По этой причинѣ Куфійцы болѣе свѣдуци въ стихахъ, чѣмъ Басрійцы“.

То-же извѣстіе находится въ комментарий Марзуки ¹⁾ на ал-Муфаддаліать, и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ другомъ мѣстѣ Музгира ²⁾, гдѣ мы читаемъ:

قال ابن عوف عن ابن سيرين ³⁾ قال قال عمر بن الخطاب رضى الله
عنه كان الشعر علم قوم لم يكن لهم علم اصح منه ⁴⁾ فجاء الاسلام فتشاغلت

¹⁾ см. Kosegarten Huds. poems, preface, p. 6.

²⁾ II, 237.

³⁾ Ибн-Сиринъ умеръ въ 116 г. гижры. Кит-алаг. XIX, 45.

⁴⁾ Тутъ очевидно кончается этотъ хадисъ и остальное принадлежитъ ученому. Въ изданіи пропущено слово قال.

عنه العرب وتشاغلوها بالجهاد وغزو فارس والروم و لهت عن الشعر و روايته فلما كثر الاسلام وجاءت الفتوح واطمانت العرب بالامصار راجعوا رواية الشعر ولم يؤولوا الى ديوان مدون ولا كتاب مكتوب وائفوا ذلك وقد هلك من هلك بالموت والقتل فحفظوا اقل ذلك وذهب عنهم منه كثير وقد كان عند آل المغيمان بن المنذر منه ديوان فيه اشعار الفحول وما مدح به هو واهل بيته فصار ذلك الى بنى مروان او ما صار منه „Ибн-Ауфъ говорить со словъ Ибн-Сирина: Умар-б. ал-Хаттабъ ска-заль: „Поэзія была наукою народа, не имѣвшаго болѣе истинной науки“. Появился исламъ и арабы были отвлечены отъ поэзіи и за-няты войною за вѣру, борьбою съ Персією и Византією, и оставили поэзію и передачу стиховъ. Когда же исламъ укрѣпился, завоеванія были окончены и арабы спокойно поселились въ городахъ, то они опять принялись за передачу стихотвореній. Они (прежде) не прибѣгали къ собраніямъ - диванамъ, и къ писаннымъ книгамъ — теперь же они стали составлять таковыя. Но много погибло Арабовъ, кто смертію, кто убійствомъ, такъ что они помнили только самую малую часть и пре-мноего забыли. Въ родѣ Нумана сына Мундзира однакоже былъ ди-ванъ, содержащій стихотворенія лучшихъ поэтовъ и такія, въ кото-рыхъ онъ (Мундзиръ) и его родъ прославлялись. Все это, или по край-ней мѣрѣ часть, досталось роду Марвана“.

Этотъ варіантъ нашего извѣстія носитъ характеръ до такой степени положительный, свободный отъ всякихъ романическихъ подробностей, что какъ-то не ловко усумниться въ его подлинности. Мы знаемъ, что въ Хирѣ искусство письма было извѣстно еще довольно рано. Де-Саси относитъ введеніе этого искусства въ Хирѣ къ началу 6-го вѣка и приписываетъ это христіанскимъ вліяніямъ ¹⁾. Въ Фитристъ ²⁾ мы читаемъ, что арабское письмо было выдуманно тремя лицами изъ племени Тай, рода Баулъанскаго. Племя же Тай имѣло частыя сноше-нія съ Хирою; одинъ Тайитъ даже сидѣлъ на престолѣ Лахмитовъ. —

¹⁾ Mémoires de l'académie, tome L p. 315. ср. приводимый мною ниже раз-сказъ о Мураккишѣ.

²⁾ стр. ۴, строка 25 и ср. главу معرفة کتابة اللغة Музгир II 175. сл.

Мухаммедъ казнилъ *ан-Надра* за то, что онъ привезъ книги варваровъ, персовъ, грековъ и жителей Хиры, и тѣшилъ Меккійцевъ разсказами изъ нихъ¹⁾ *كتب الاعام فارس والروم وكتب اهل الحيرة فيحدث بها اهل مكة*.

Сами жители Хиры утверждали, что они переняли искусство письма отъ жителей ал-Анбара. *وسئل اهل الحيرة ممن اخذتم العربى* (2) *فقالوا من اهل الانبار*.

Подъ „родомъ Марвана“ источникъ Музгира очевидно могъ разумѣть только родъ халифа Марвана, и тутъ Фигристъ очень кстати извѣщаетъ насъ, что первый, который „собиралъ диваны арабовъ, ихъ стихотворенія, ихъ преданія о славнѣйшихъ битвахъ, ихъ генеалогіи и выраженія, былъ правнукъ Марвана, т. е. халифъ ал-Валидъ б. Іазидъ-б. Абд-ал-Маликъ. Отъ него переняли все это Хаммадъ и Джаннадъ“ *قراءت بخط ابى عبد الله بن مقله قال ابو العباس ثعلب* (3) *جمع ديوان العرب واشعارها واخبارها وانسابها ولغاتها الوليد بن يزيد* (3) *(بن عبد الملك ورد الديوان الى حماد و جناد*.

Тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ доисламскую эпоху, равно какъ въ теченіе перваго вѣка гиджры, обыкновенно стихи передавались устно. Есть, правда, нѣкоторые слѣды того, что стихи иногда писались въ эпоху „невѣжества“; сюда прежде всего относится стихотвореніе, въ которомъ Лакитъ-б. Іамаръ (*لقيط بن يعمر*) остерегалъ своихъ соплеменниковъ, Іадитовъ, на которыхъ собирался напасть персидскій царь. Исторія эта разсказывается различнымъ образомъ⁴⁾. У Ибн-ал-Асира⁵⁾ это событіе

1) Хамаса 437.

2) Фигристъ O, 1. Музгиръ II, 1. с. Fragmenta Histor. arabic. edd. de Goeje et de Jong I, стр. 211.

3) Фигристъ 91.

4) см. Нельдеке въ Orient u. Occident I, 688—718.

5) I, 282 ed. Thornberg. Старшій Мураккишъ (онъ былъ изъ племени Бакр-б. Ваиль) оставленный больнымъ своими родными, писалъ на верблюжьё сѣдло стихи къ своему брату Хармалъ (*حرملة*). Выучился же онъ письму, по разсказу Китâб-алагани у одного христіанина въ Хирѣ, куда его послалъ отецъ вмѣстѣ съ братомъ: *وكان مرقش يكتب وكان ابوه دفعه واخاه حرملة وكان احب ولده*.

относится къ царствованію Шапура Зу-л-Актафа, и первые стихи гласятъ такъ:

(فكتب يعنى لقيط بن يعمر الى اباد)

سلامٌ في الصحيفة من لقيط * الى من بالبحرين من اباد¹⁾

بانّ الليث كسرى قد اتاكم * فلا يشغلکم سوق النقاد

اتاكم منهم سبعون الفا * يزجون الكتابَ كالجراد

„Поклонъ на листѣ отъ Лакита къ Іадитамъ находящимся въ Бахрейнѣ. Дѣло въ томъ, что левъ Кисра собирается противъ васъ. Да не займетъ васъ теперь пасеніе овецъ. Семьдесятъ тысячъ ихъ (персовъ) собирается противъ васъ; онъ гонитъ войско, подобное саранчѣ“. — Сюда можно, пожалуй, и относить тѣ немногія мѣста, гдѣ доисламскіе поэты упоминаютъ письмо ради поэтическихъ сравненій. Тарафа сравниваетъ щеку своей верблюдицы съ сирійскимъ пергаментомъ, (муалл. ст. 31 въ изд. Арнольда), Лебидь — рисунокъ бывшихъ жилищъ съ полу-истертою надписью на утесѣ (муалл. ст. 6); но эти отдѣльныя мѣста почти исчезаютъ предъ массой другихъ, въ которыхъ поэты спрашиваютъ, кто передастъ ихъ стихи по назначенію, (من مبلغ) обращаются къ всаднику, который гонитъ свою лошадь или верблюдицу и т. п. Пресловутая басня о муаллакахъ, которыя яко-бы писались золотыми буквами на драгоценныхъ іаманскихъ матеріяхъ, чтобы потомъ быть повѣшенными на „стѣнахъ“ Ка’бы, въ назиданіе подраставшей арабской молодежи, въ конецъ опровергнута была Нельдеке въ Beiträge XVII и сл. Басня эта произошла отъ этимологическаго каламбура въ соединеніи съ очень замѣтнымъ стрем-

اليه الى نصراني من اهل الحيرة فعلمها الخط فلما سمع مرقش قول العقيلي
للوليدة (يعنى وليدة مرقش) كتب مرقش على موخرة الرجل هذه الابيات الخ
Китаб-ал-агани V, 191.

¹⁾ Китаб-ал-аг. XX, 24 читаетъ: الى من بالجزيرة * لقيط * الى من بالبحرين من اباد * بانّ الليث كسرى قد اتاكم * فلا يجبسکم شوق النقاد *

леніемъ позднѣйшихъ арабовъ всѣми средствами преувеличивать значеніе Ка'бы, Мекки и наконецъ и Курейшитскаго племени въ доисламскую эпоху. Это-то стремленіе нужно принимать въ соображеніе и при разборѣ извѣстій, касающихся извѣстныхъ „поэтическихъ ярмарокъ“, происходившихъ въ Указѣ, между Таифомъ и Нахлою, не далеко отъ Мекки. Мнѣ кажется, что принимая результаты новѣйшихъ изслѣдованій, констатирующихъ, что добрая половина всѣхъ чудесныхъ басень о значеніи Мекки и Курейшитовъ въ доисламскую эпоху, есть бьющій на эффектъ вымыселъ позднѣйшихъ мудрецовъ, мы не имѣемъ никакого права смотрѣть на Указскія собранія восторженными глазами Френеля¹⁾. Этотъ остроумный ученый видитъ въ нихъ нѣкотораго рода арабскій парламентъ, очередныя собранія племенъ, которыя „среди ожесточеннѣйшихъ войнъ никогда не забывали своего общаго происхожденія, и ежегодно являлись на національный свой rendez-vous, чтобы — тамъ вкушать отъѣнной сладости всеобщаго голосованія (suffrage universel)!“ — И эту-то панацею отъ всѣхъ возможныхъ золъ уничтожилъ злодѣй Мухаммедъ! Этого преступленія Френель никогда не простилъ исламу²⁾, и по дѣломъ! — Арабскія писатели сами признаютъ, что нѣкоторыя племена не посѣщали Ка'бы и не совершали хаджа. Шаграстани³⁾ называетъ именно Хас'амитовъ, Тайитовъ и нѣкоторые роды племени Бану-л-Харисъ б. Ка'ба; всѣ они не соблюдали священ-ныхъ мѣсяцевъ и т. п. وكانوا يهدون الهدايا ويرمون الجمار ويحرمون الأشهر الحرم فلا يغزون ولا يقاتلون فيها إلا طي وخشم و بعض بنى الحرث بن كعب فانهم لم يكونوا يحجون ولا يعتمرون ولا يحرمون الأشهر الحرم ولا (البلد الحرام) Другія іаманскія племена посѣщали такъ называемую іаманскую ка'бу⁴⁾ (ذو الخلصة). Трудно предполагать, чтобы на ярмарку Указскую, или на одну изъ четырехъ другихъ до сихъ поръ извѣстныхъ مواسم, въ Зу-л-Маджазъ (ذو المجاز) ал-Маджаниъ (المجنّة), Минѣ

¹⁾ Première lettre 34.

²⁾ ibid. 31.

³⁾ ed. Cureton p. 442.

⁴⁾ ZDMG VII, 476.

(منى) и Хунейнъ (حنين), стекались со всѣхъ сторонъ арабскія племена или ихъ представители, тѣмъ болѣе, что не всѣ племена, какъ мы видѣли, имѣли религіозную цѣль для отправленія въ край защитниковъ Ка'бы. По всей вѣроятности эти ярмарки были посѣщаемы преимущественно племенами, населявшими Хиджазъ, да ихъ ближайшими сосѣдями, и за тѣмъ уже отдѣльными личностями изъ другихъ краевъ, съ чисто торговою цѣлью¹⁾. Что напримѣръ Тайиты, или Тамимиты, первые изъ своихъ горъ, вторые изъ самой восточной части арабскаго полуострова, совершали такія безцѣльныя путешествія по степямъ, это, кажется, довольно невѣроятно. Я привожу именно эти два племени, не только по причинѣ ихъ географическаго положенія, но и потому, что мы имѣемъ косвенное доказательство противъ ихъ участія въ Указской и другихъ ярмаркахъ. Позднѣйшіе грамматисты насчитываютъ значительное число уклоненій ихъ нарѣчія отъ чистаго Курейшитскаго или, лучше, Хиджазскаго. Указскія же ярмарки были, или считаются европейскими ориенталистами, главнѣйшимъ факторомъ при объединеніи арабскихъ діалектовъ и сліяніи ихъ въ одинъ языкъ. Нѣкоторыя изъ этихъ уклоненій, какъ напр. Тайитское ذو *ذو* вм. *الذی* такъ крупны, что невольно наводятъ сомнѣнія на счетъ вліянія этого „арабскаго парламента“ на сліяніе нарѣчій, или по крайней мѣрѣ на счетъ участіи въ немъ подлежащихъ племенъ. Я, къ сожалѣнію, не имѣю подъ рукой матеріаловъ, которые позволили бы мнѣ потолковать подробнѣе о дѣйствительномъ или вымышленномъ вліяніи этихъ интересныхъ ярмарокъ, но желаю только констатировать, какую большую пользу принесъ бы трудъ поставившій себя задачею собраніе и разборъ касающихся до Указа извѣстій.

Рядомъ съ поэзіею арабы культивировали еще другой родъ произведеній. Прекрасные восточные вечера они проводили, слушая рассказы. Этакого рода бесѣды назывались и называются понынѣ *مسامرة*. Тутъ конечно толковали о томъ и семъ, о новостяхъ, не совсѣмъ забывали и недавнопрошедшее. Больше всѣхъ ихъ занимали конечно

¹⁾ ср. Sprenger, Muhammad 2, 343.

разказы о *أخبار*, о „*journeés*“, т. е. побойшахъ, убійствахъ, грабежѣ и тому подобныхъ подвигахъ. Арабы, по вышеизложеннымъ причинамъ, не имѣли и не могли имѣть эпоей. Эти разказы, которые состояли изъ прозы и стиховъ, отчасти замѣняли имъ ихъ. Представляется вопросъ: Не признавать-ли такіе разказы за остатки или зародыши эпоей арабскихъ. Мы видимъ, что у нѣкоторыхъ народовъ, у которыхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не развилась настоящая эпопея, существуютъ эпическіе разказы о событіяхъ и выдающихся личностяхъ, разказы, имѣющіе смѣшанную форму, т. е. состоящіе изъ прозы и стиховъ; таковы напр. часть произведеній шотландскихъ бардовъ¹⁾ и нѣкоторые турецкіе разказы²⁾. На первый взглядъ это внѣшнее сходство нѣсколько соблазнительно. Но оно дальше и не распространяется, по крайней мѣрѣ, что касается до турецкихъ произведеній. Возьмемъ на примѣръ повѣсть объ Эрѣ-Таргынѣ (Радловъ. IV 153—205). Въ ней наврядъ ли удастся отдѣлять прозу отъ стиховъ по содержанію; поэтическія описанія, лирическія изліянія, діалогъ или простой разказъ выражаются то прозою, то стихами. Совершенно на оборотъ въ арабскихъ *أخبار*. Тутъ проза имѣетъ свою рѣзко ограниченную область, а стихи свою. Разказъ, описанія, всегда въ прозѣ, равно какъ разговоръ; стихи являются только для выраженія чувствъ дѣйствующихъ лицъ. Взрывы богатырскаго самохвальства, гнѣва; коротенькія, но выразительныя боевыя пѣсни и глубоко прочувствованныя элегіи; словомъ, тотъ же отчаянный лиризмъ. Проза же — настоящая проза, не только по формѣ, но и по содержанію. Видно, что разказчикъ не дѣйствовалъ подъ вліяніемъ воображенія, но что онъ просто передавалъ случившіеся факты, несомнѣнныя событія. Разказъ его долженъ былъ служить какъ бы объясненіемъ къ стихамъ, которые содержали намеки, и должны были безъ комментарія оставаться непонятными для многихъ слушателей. Подъ такими условіями *أخبار*, казалось, должны были бы имѣть огромную историческую важность и я не могу не согласиться, что они дѣйствительно ее имѣютъ. Необходимо

1) Steinthal. Ztschr. f. Völkerpsychol. V, 30.

2) Радловъ Proben der Volksliteratur III 152 и сл.

только добраться до возможно древнѣйшихъ вариантовъ, съ устраненіемъ позднѣйшихъ вставокъ и вымышленій путемъ сравненія различныхъ рассказовъ, и отдѣляя по возможности различныя племена. Арабскіе ученые передали намъ массу не разобранныхъ рассказовъ, какъ они передали „океаны“ неразобранныхъ словъ. Съ теченіемъ времени племенные различія у арабовъ-выходцевъ изглаживались и вмѣстѣ съ тѣмъ сливались и эти преданія; все вниманіе, всѣ воспоминанія сосредоточивались на одномъ лицѣ, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ развился романъ Антаръ, который, рядомъ съ похождениями Бену Гилалъ, и нынѣ восхищаетъ праздныхъ арабовъ. Какимъ образомъ именно Антаръ удостоился этой чести, это пока неизвѣстно, но, можетъ быть, объяснится со временемъ, когда этотъ романъ сдѣлается предметомъ основательнаго изслѣдованія, котораго онъ безъ сомнѣнія вполне заслуживаетъ.

II.

Когда побѣдоносное знамя ислама покорило себѣ сосѣднія страны, то съ переменною политическихъ условій, переменились и умственные потребности побѣдителей. Съ удивительною быстротою, которой конечно не мало способствовало то обстоятельство, что покоренныя страны состояли подъ вліяніемъ сирійско-греческой культуры съ одной стороны, персидской съ другой, развивались науки, чтобы въ продолженіе трехъ приблизительно вѣковъ процвѣтать, достигать зенита и потомъ склоняться къ упадку. Это самая интересная эпоха арабской исторіи, едвали не самая интересная всей исторіи исламскихъ народовъ. Столкновеніе свѣжихъ арабскихъ силъ съ вѣковой цивилизаціей Персіи и Греціи, семитскаго племени съ арійскимъ, не могло не производить усиленнаго умственнаго движенія. Къ этому времени относится мутазилитскій расколъ и горячая борьба, которую онъ вызвалъ, оживленные споры двухъ большихъ грамматическихъ школъ:

задатки блестящаго развитія въ будущемъ, которое однакоже впоследствии, съ побѣдою ортодоксальной схоластики, было остановлено, чтобы никогда больше не пробуждаться отъ летаргическаго сна, благополучно царствующаго и понынѣ надъ мусульманскимъ востокомъ.

Первою наукою, вызванною обстоятельствами, была экзегетика корана и наука хадиса. „Наука преданій“ своимъ происхожденіемъ обязана судопроизводству¹⁾. Арабы ожидали отъ своего пророка, что онъ имъ дастъ наставленія не только религіозныя, но и правила на счетъ гражданской и обыденной жизни. Коранъ, по своему существу, не могъ удовлетворять всѣмъ этимъ потребностямъ. Приговоры, дѣйствія, обычаи пророка и его ближайшихъ сподвижниковъ должны были пополнять этотъ недостатокъ. Еще при Абу-Бекрѣ случилось такого рода событіе: Мугира б. Шу'ба, на основаніи одного изреченія пророка, изъявилъ притязаніе на извѣстное имущество. Абу-Бекрѣ не хотѣлъ признать его притязанія, если истецъ не представитъ свидѣтеля въ пользу своего утвержденія. Когда же и Ибн-Маслама увѣрялъ, что слышалъ это изреченіе отъ пророка, то Абу-Бекрѣ рѣшилъ дѣло въ пользу истца²⁾. — Всякаго рода изреченія пророка по этому собирались съ величайшимъ рвеніемъ. Междоусобныя войны еще усилили это рвеніе. Обѣ партіи осуждали другъ друга съ ожесточеніемъ, и когда коранъ не давалъ имъ достаточнаго матеріала для этого, онѣ основывали свои взаимныя осужденія на изреченіяхъ пророка. Рядомъ съ собираніемъ подлинныхъ изреченій, при такомъ положеніи дѣла, должно было идти выдумываніе ихъ. Критики въ первое время не было. Авторитетъ современниковъ пророка, его сподвижниковъ, честность и правдивость которыхъ была признана самимъ аллахомъ³⁾, не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ концѣ перваго вѣка однакоже дѣло нѣсколько измѣнилось. Молодое поколѣніе относилось съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ къ „послѣдователямъ“, и требовало отъ

---

¹⁾ см. Шпренгера въ ZDMG X, 1 и сл. ср. *Leben Muhammads III*, LXXXI и сл.

²⁾ Sprenger l. c.

³⁾ см. Loth въ ZDMG XXIII, 594 и цитованныя тамъ суры 49, 15, 59, 8—10 и, пр.

разскащиковъ изреченій пророка, чтобы они объявляли имя „сподвижника“, какъ непосредственнаго свидѣтеля извѣстнаго изреченія. Такимъ образомъ было положено основаніе критикѣ, нѣсколько поверхностной и внѣшней, но всё же критикѣ.

Большая часть преданій хранились въ памяти и передавались изустно, хотя по всей вѣроятности еще довольно рано существовали и письменныя замѣтки ¹⁾. Передача происходила такимъ образомъ, что учитель (шейхъ) говорилъ своимъ ученикамъ изреченія пророка съ именами тѣхъ, отъ которыхъ онъ ихъ слышалъ (т. е. съ полнымъ иснадомъ) а ученики повторяли при учителѣ, пока не запомнятъ. Этотъ процессъ назывался *قراءة على*, и недоувѣріе мусульманъ къ записыванію преданій простиралось до того, что они долго не признавали за записанными преданіями подлинности; потомъ принимали ихъ только тогда, когда они были снабжены личнымъ ручательствомъ въ подлинности ²⁾. Со временемъ установились точныя и нѣсколько недантическія правила для передачи преданій и для критики подлинности передачи; образовалась цѣлая особенная наука.

Не многимъ позже возникновенія стремленія къ собиранію изреченій пророка, появились и первыя попытки грамматическія и, вмѣстѣ съ ними, стремленіе къ собиранію лингвистическаго матеріала, въ томъ числѣ и древнихъ и новыхъ стихотвореній. И то и другое оказалось необходимымъ для объясненія корана и хадисовъ. Коноводъ эксегетовъ, Ибн-Аббасъ († 68) отличался большимъ знаніемъ стихотвореній арабскихъ племенъ. Это знаніе, какъ мѣтко замѣчаетъ Шпренгеръ ³⁾, было ему необходимо, не столько для объясненія корана, сколько для перетолкованія его въ случаѣ надобности. Когда какое нибудь мѣсто не клеилось съ его теоріями, онъ придавалъ извѣстному слову подходящее значеніе въ діалектѣ Тамимитовъ или Химьяритовъ и въ такихъ случаяхъ для подтвержденія приводились стихи, не всегда конечно подлинныя. Объ его методѣ сохранилось множество преданій.

¹⁾ Sprenger въ ZDMG X, 5.

²⁾ Sprenger l. c. LXXXIX.

³⁾ l. c. CVII.

Говорятъ, что онъ никогда не объяснялъ стиховъ Корана, не прибѣгая къ стихотвореніямъ ¹⁾. Польза была очевидная, и для вѣщаго ободренія правовѣрныхъ, самому пророку вложили въ уста слова, свидѣтельствующія объ его уваженіи къ поэзіи. — Были и другія причины. Смѣшеніе разнородныхъ элементовъ, которые находились въ исламскихъ арміяхъ, въ большихъ военныхъ лагеряхъ, должно было имѣть послѣдствіемъ смѣшеніе арабскаго языка съ другими, и это могло имѣть дѣйствительно роковое вліяніе на чтеніе корана и его толкованіе. Единственнымъ средствомъ для избѣжанія этого зла было установленіе правилъ, грамматики, при помощи сохранившихся стихотвореній, поговорокъ, пословиць, въ соединеніи съ наблюденіями надъ языкомъ не высеявшихся изъ своей родины арабовъ. Далѣе — арабскій языкъ, языкъ корана, т. е. религіи, языкъ господствующаго народа, языкъ оффиціальнѣйшій, имѣлъ огромное значеніе для подчиненныхъ инородцевъ. Безъ знанія его неарабу не возможно было достигнуть бѣльшаго значенія и вліянія, по нашему, сдѣлать карьеру ²⁾. Понятно, что они, особенно Персы, всѣми силами старались усвоивать себѣ языкъ, и соединеннымъ дѣйствіямъ всѣхъ этихъ причинъ мы обязаны сохраненіемъ огромной массы лингвистическаго матеріала. Трудно себѣ представить живую картину этой удивительной эпохи. Среди внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, среди религіозныхъ смутъ и волненій всякаго рода, развивалась и процвѣтала филологія, и всѣ классы общества принимали въ ней живѣйшее участіе, начиная отъ самихъ халифовъ. Изъ степи, изъ внутренней Аравіи, были призываемы въ города чистые бедуины, чтобы подслушать ихъ рѣчь; ученые, выросшіе въ пышныхъ, съ неимовѣрною быстротою развивавшихся городахъ, отправлялись къ кочующимъ племенамъ, для собиранія ихъ пѣсенъ, преданій и поговорокъ.

Естественно, что съ теченіемъ времени наступила эпоха критики, обработки собраннаго предшествовавшимъ поколѣніемъ матеріала. Главные принципы критики филологическаго матеріала филологія, какъ и слѣдовало ожидать, заимствовала у нѣскольکو опередившей ее

¹⁾ ср. Хамасу 1 ар. текста.

²⁾ de Slane въ предисловіи къ переводу Ибн-Халликана.

„науки преданій“. Знакомство съ этими принципами и ихъ примѣненіемъ столь же необходимо для критики филологическаго матеріала, сколько для разбора богословскаго. Въ драгоценномъ сочиненіи Суюти *المزهر في علوم اللغة* мы находимъ интересныя указанія на методу арабскихъ критиковъ, и я считаю не лишнимъ помѣстить здѣсь въ текстѣ и переводѣ „сокъ достопримѣчательнѣйшаго“ этихъ указаній.

„Способовъ перениманія языка“ говоритъ онъ — „шесть. Первый — слушаніе рѣчи шейха или араба (бедуина). Ибн-Фарисъ (Абу-л-Хусейнъ Ахмедъ б. Закарія б. Мухаммедъ б. Хабибъ, ар-Рази, авторъ *المجمل في اللغة* умеръ 390 гижры см. Ибн-Халл. изд. Вюстенфельда № 48) говоритъ: чистый языкъ перенимается или навыкомъ: арабскій мальчикъ, напримѣръ, слушаетъ своихъ родителей или другихъ, и съ теченіемъ времени перенимаетъ языкъ отъ нихъ; этотъ процессъ совершается скоро, безъ труда съ обѣихъ сторонъ, перенимающей и передающей; — или же онъ перенимается посредствомъ слушанія у надежныхъ передавателей. Перенимающему этимъ путемъ для дальнѣйшей передачи слышаннаго, представляются разные способы. Лучшій изъ нихъ, если онъ говоритъ: мнѣ диктовалъ такой-то или мнѣ было диктовано такимъ-то; за тѣмъ слѣдуетъ „я слышалъ“; затѣмъ „мнѣ со-

1) معرفة طرق الاخذ والتحمل

هي ستة احدها السماع من لفظ الشيع او العربي قال ابن فارس
تؤخذ اللغة اعتيادا كالصبي العربي يسمع ابويه وغيرهما فهو ياخذ اللغة
منهم على ممر الاوقات وتؤخذ تلقنا من ملقن وتؤخذ سماعا من الرواة
الثقات وللمتحمل بهذه الطرق عند الاداء والرواية صيغ اعلاها ان يقول
املى على فلان ..... ويلى ذلك سمعت ..... ويلى ذلك ان يقول
حدثنى فلان وحدثنا فلان ويستحسن حدثنى اذا حدث وهو وحده وحدثنا

1) изд. Булакское. I, стр. 71 и сл.

общилъ“ или „намъ сообщилъ“. Выраженіе „мнѣ сообщилъ“ выбираютъ тогда, когда говорящій во время сообщенія ему извѣстнаго слова, оборота, стиха и т. п. былъ одинъ; выраженіе „намъ сообщилъ“, когда говорящему сообщили при другихъ. Затѣмъ „разказалъ мнѣ или намъ такой-то“, затѣмъ „мнѣ сказалъ такой-то“; затѣмъ „такой-то, не я, сказалъ“. Сходно съ этимъ выраженіе „такой-то утверждалъ“. Затѣмъ слѣдуетъ выраженіе „отъ“. Салабъ, на примѣръ, говоритъ въ своихъ диктатахъ: Асмаій говоритъ отъ Абу-Амра отъ ... и т. д. О стихахъ говорится „мнѣ или намъ продекламировалъ“ съ соблюденіемъ вышеозначенной разницы; о стихахъ впрочемъ употребляются и выраженія „мнѣ сообщили, я слушалъ и т. п.— *Второй* способъ перениманія—чтеніе (повтореніе при шейхѣ). При передачѣ перенимаемаго такимъ образомъ говорится: „я читалъ при такомъ-то шейхѣ“. Третій способъ—слушаніе отъ шейха, когда читаетъ другой. Тогда говорится при передачѣ: „читалось у такого-то и я присутствовалъ“. Четвертый способъ—иджаза; (шейхъ офиціально разрѣшаетъ ученику передавать то, что онъ, шейхъ, говорилъ) иджаза употребительна, когда дѣло идетъ о книгахъ и собранныхъ въ диванъ стихотвореніяхъ. Пятый способъ—письменное сообщеніе. Салабъ въ своихъ диктатахъ говоритъ: Ко мнѣ писалъ ал-

إذا حَدَّثَ وهو مع غيره .....¹⁾ ويلي ذلك أخبرني فلان وأخبرنا فلان
.....²⁾ ويلي ذلك ان يقول قال لي فلان ..... ويلي ذلك ان يقول
قال فلان بدون لي ..... ونحو ذلك او مثله ان يقول زعم فلان .....
ويلي ذلك ان يقول عن فلان قال ثعلب في اماليه قال الاصمعي عن ابي
عمر .....³⁾ ويقال في الشعر انشردني وانشردنا على ما تقدم .....⁴⁾
وقد يستعمل في الشعر حدَّثنا و سمعت ونحوها .... ثانيها القراءة على

¹⁾ I. 74.

²⁾ I. 75.

³⁾ I. 76

⁴⁾ I. 78

Мазини слѣдующіе стихи. Онъ говоритъ: Рецитировалъ намъ ал-Ас-май и т. д.—Шестой способъ — цитать изъ книгъ. Ал-Кали напри- мѣръ (Абу-Али Исмаиль б. Касимъ ал-Кали, одинъ изъ ревностнѣй- шихъ распространителей ученія Басрійской школы въ Испаніи, умеръ въ Кордовѣ въ 356 (967) г. Его диктаты *امالى*, находящіеся въ Парижской библіотекѣ Suppl. 1935,1 содержатъ большое количество древнихъ стихотвореній и поговорокъ съ объясненіями; это одно изъ важнѣйшихъ сочиненій для арабской лексикографіи. см. Ahlwardt Six poets XXII, Flügel, Grammatische Schulen 113.) говоритъ въ своихъ диктатахъ: Абу-Бекр-б. Аби-л-азгаръ говоритъ: я нашелъ въ книгѣ моего отца и т. д.“.

Эта терминологія почти тождественна съ сообщенной Шпренге- ромъ ⁴⁾, по Навави, терминологіей традиціонистовъ. Навави соеди- няетъ *القراءة على الشيخ* съ „чтеніемъ другаго въ присутствіи передаю- щаго извѣстный фактъ лица“. За то онъ раздѣляетъ иджазу на соб- ственную иджазу и *مناولة*; послѣдняя состоитъ въ томъ, что шейхъ пере- даетъ ученику свой или сличенный съ своимъ текстъ. Наконецъ Навави прибавляетъ еще седьмой способъ, который впрочемъ тоже очень схо- денъ съ иджазой: шейхъ въ духовномъ завѣщаніи оставляетъ ученику

الشيخ ويقول عند الرواية قرأت على فلان ¹⁾.... ثالثها ²⁾ السماع على
الشيخ بقراءة غيره ويقول عند الرواية قرى على فلان وانا اسمع.....
رابعها الاجازة وذلك في رواية الكتب والاشعار المدونة..... خامسها ³⁾
المكاتبة قال ثعلب في اماليه بعث بهذه الابيات الى المازني وقال انشردنا
الاصمعي الخ سادسها الوجادة قال القالي في اماليه قال ابوبكر بن ابي
الازهر وجدت في كتاب ابي الخ

¹⁾ I. 78.

²⁾ I. 80.

³⁾ I. 83.

⁴⁾ ZMDG X, 12.

свои записки, и ученикъ имѣеть положительныя доказательства, что почеркъ дѣйствительно принадлежитъ шейху, или даетъ ему право передавать книгу, которую онъ слышалъ.

Тонкая разница между выраженіями *اخبَرنا*, *حدَّثنا* и т. п. конечно не соблюдалась строго филологами, какъ она не соблюдалась и традиціонистами ¹⁾.

Нѣкоторые пуристы требовали при разборѣ филологическаго матеріала примѣненія всѣхъ пріемовъ традиціонистовъ.

Ал-Камал-ибн-ал-Анбари ²⁾ говоритъ въ своемъ сочиненіи „Лучи доказательствъ относительно основъ грамматики“: „Непремѣнное условіе (для принятія какого-нибудь слова, оборота или стиха) то, чтобы передающій былъ человѣкомъ честнымъ, будь онъ мужчиной или женщиной, невольникомъ или свободнымъ, какъ это требуется при передаваніи хадисовъ, потому, что съ языкомъ связано объясненіе и толкованіе ихъ. При передаваніи языка вообще должны быть примѣняемы всѣ требованія имѣющія силу при передаваніи хадисовъ, хотя бы передаваніе языка не сходно, по великой важности, съ передаваніемъ хадисовъ. Если же передающій языкъ человѣкъ нечестный, то его сообщенія не должны быть принимаемы.“ *قال الكمال بن الانباري في لمع الأدلة في اصول النحو يشترط ان يكون ناقل اللغة عدلا رجلا كان او امرأة حرا كان او عبدا كما يشترط في نقل الحديث لان بها معرفة تفسيره وتاويله فاشترط في نقلها ما اشترط في نقله وان لم يكن في الفضيلة من شكه فان كان ناقل اللغة فاسقا لم يقبل نقله*

Онъ же и не признавалъ сообщеній, санадъ которыхъ былъ не полный, ал-мурсалъ. „Ал-мурсалъ“, говоритъ онъ ³⁾ въ томъ же сочиненіи „есть то (преданіе), санадъ котораго прерванъ. Когда Ибн-Дурейдъ, напримѣръ передаетъ прямо отъ Абу-Зейда, то оно не принимается. Вѣдь надежность есть непремѣнное условіе передаванія;

¹⁾ Sprenger 1. с.

²⁾ Музгиръ I, 68. Этого Камал-ибн-ал-Анбари не должно смѣшивать съ Ибн-ал-Анбари Flügel. 168. Камаль † 577 см. Ibn Chall. № 377.

³⁾ Музгиръ I, 62.

прерваніе же санада лишаетъ насъ возможности контролировать надежность (передавателей); потому что надежность какого-нибудь неизвѣстнаго человѣка невозможно разузнать.

Нѣкоторые принимаютъ сообщенія съ прерванными санадами, основываясь на томъ, что прерваніе исходитъ отъ человѣка, котораго сообщенія принимались бы безъ подозрѣнія, еслибъ онъ прибавилъ полный санадъ. Вѣдь если подозрѣвать тѣ сообщенія, которыя онъ передаетъ безъ полнаго санада, то можно подозрѣвать и снабженные полнымъ санадомъ и наоборотъ. На это мы (Камал-ибн-ал-Анбари) отвѣчаемъ: это вздоръ; потому, что муснадъ получаетъ свое значеніе именно отъ названія имени передавателя, что позволяетъ останавливаться на правдивости его показаній; не то мурсаль.

Это доказываетъ, что изъ принятія снабженныхъ полнымъ санадомъ извѣстій не слѣдуетъ принятіе передаваемого съ прерванныхъ санадомъ". قال الكمال بن الانباري في لمع الادلة المرسل هو الذي انقطع. سندہ نحو ان يروى ابن دريد عن ابي زيد وهو غير مقبول لان العدالة شرط في قبول النقل وانقطاع سند النقل يوجب الجهل بالعدالة فان من لم يذكر لا يعرف عدالته وذهب بعضهم الى قبول المرسل لان الارسال صدر ممن لو اسند لقبول ولم يتهم في اسناده فكذلك في ارساله لان التهمة لو تطرقت الى ارساله لتطرقت الى اسناده واذا لم يتهم في اسناده فكذلك في ارساله قلنا هذا اعتبار فاسد لان المسند قد صرح فيه باسم الناقل فامكن الوقوف على حقيقة حاله بخلاف المرسل فبان بهذا انه لا يلزم من قبول المسند قبول المرسل انتهى ما ذكره ابن الانباري

Изъ этого строгаго взгляда Камал-уд-дина ибн-ал-Анбари на важность санада слѣдовала необходимость не признавать и тѣхъ сообщеній, въ санадахъ которыхъ имена передавателей не названы, а сказано только „сообщилъ намъ кто-то отъ такого-то шейха“.

Такъ онъ и думалъ. „Ал-Маджгуль“ говоритъ онъ, — „то, передаватель котораго не названъ по имени. Абу Бакр-ибн-ал-Анбари на примѣръ говоритъ: Мнѣ сообщилъ одинъ человѣкъ отъ Ибн-ал-Араби. Переданнаго такимъ образомъ не слѣдуетъ признавать; потому что

неизвѣстность имени передающаго влечетъ за собою неизвѣстность степени его честности. Нѣкоторые считаютъ возможнымъ признавать такого рода сообщенія; это тѣ же люди, которые признаютъ и ал-мурсаль, и приводятъ въ пользу своего мнѣнія тѣ же основанія, что и относительно мурсаля“. Ал-Камаль опровергаетъ этотъ взглядъ тѣми же самыми доводами, которые мы привели выше. (Музгиръ I, 70 قال الكمال ابن الانبارى المجهول الذى لم يعرف ناقله نحو ان يقول ابو بكر بن الانبارى حدثنى رجل عن ابن الاعرابى غير مقبول لان الجهل بالناقل يوجب الجهل بالعدالة وذهب بعضهم الى قبوله وهو القائل بقبول المرسل قال لانه نقل صدر ممن لا يتهم فى نقله لان التهمة لو تطرقت النسخ Стихи, санадь которыхъ не полонъ, или которыхъ авторы неизвѣстны, по ал-Анбари, слѣдовательно, не имѣютъ доказательной силы, хотя Куфійскіе грамматисты иногда основываются на нихъ. Силы они не имѣютъ, потому что всегда остается подозрѣніе, не сочинены ли они какимъ-нибудь новѣйшимъ поэтомъ. (وذكر فى الانصاف¹) انه لا يحتج بشعر لا يعرف) قائله يعنى خوفا من ان يكون لمولد فانه اورد احتجاج الكوفيين على ذلك)

Того же мнѣнія придерживается по словамъ Музгира и Ибн-Гишамъ (Суюти вѣроятно разумѣетъ здѣсь автора *شذور الذهب*, *قطر الندى*, *شدور الذهب*, *المغنى اللبيب* и пр.). Въ своихъ „прибавленіяхъ къ Альфіѣ Ибн-Малика“, онъ приводитъ стихи, на которыхъ Куфійцы основываютъ допущеніе превращенія алифа максуры въ мамдуду ради размѣра, и замѣчаетъ по этому поводу, что они ничего не доказываютъ, по неизвѣстности ихъ автора. — Въ другомъ сочиненіи однакоже тотъ же самый писатель противурѣчитъ самому себѣ и допускаетъ доказательную силу стиховъ неизвѣстныхъ авторовъ на томъ основаніи, что въ „книгѣ“ Сибавейги находятся 50 стиховъ, которые пришлось бы выбросить вмѣстѣ съ положеніями, доказываемыми ими, если строго держаться этого строгаго правила. (وذكر ابن هشام فى تعليقه على الالفية مثله فانه اورد) الشعر الذى استدلّ به الكوفيون على جواز مد المقصور للضرورة وهو قوله

¹) т. е. въ *كتاب الانصاف بين الكوفيين والبصريين* которая находится въ Лейденѣ см. *Dozy Catalogus I, 33.*

قد علمت اخت بنى السعلاء * وعلمت ذلك مع الجزاء
ان نعم ما كول على الحواء * بالك من تمر و من شيشاء

ينشب في المسعل واللهاة

وقال الجواب عندنا انه لا يعلم قائله فلا حجة فيه لكن ذكر في شرح
الشواهد ما يخالفه فانه قال طعن عبدالواحد الطرام صاحب كتاب بغية
الامل في الاستشهاد بقوله * لا تكثرن انى عسيت صائما * وقال بيت
مجهول لم ينسبه الشرام الى احد فسقط الاحتجاج به قال ابن هشام ولو صح
ما قاله لسقط الاحتجاج بخمسين بيتا من كتاب سيبويه فانه فيه الف بيت
قد عرف قائلوها وخمسين مجهولة القائلين)

Понятно, что система, которая имѣла бы непремѣннымъ послѣд-
ствиемъ уничтоженіе нѣкоторой части изъ ученія Сибавейги, въ концѣ
концовъ не могла держаться у позднѣйшихъ грамматиковъ, которые
всѣ-таки болѣе придерживаются басрійской школы. Вообще примѣръ
лучшихъ древнѣйшихъ ученыхъ долженъ былъ нѣсколько удержи-
вать порывы педантизма позднѣйшихъ. Сибавейги на примѣръ въ своей
„книгѣ“ часто употребляетъ выраженіе „миѣ сообщилъ человѣкъ на-
дежный“. Подъ „надежнымъ человѣкомъ“ онъ разумѣлъ Халиля и
другихъ, какъ напр. Абу-Зейда ¹⁾. Того же Абу-Зейда разумѣетъ и
Юнусъ б. Хабибъ, когда онъ употребляетъ ту-же фразу. — Ученые
были разногласны, принимать-ли такія сообщенія или нѣтъ, но автори-
тетъ такихъ первоклассныхъ свѣтилъ науки конечно въ большей части
случаевъ бралъ перевѣсъ надъ придирками педантовъ, хотя Суюти
ничего положительнаго на этотъ счетъ не сообщаетъ (Музгиръ I, 70:

التعديل على الا بهام نحو ان اخبرني ثقة هل يقبل فيه خلاف بين العلماء
وقد استعمل ذلك سيبويه كثيرا في كتابه بعنى به الخليل وغيره وذكر
المرزبانى عن ابى زيد قال كل ما قال سيبويه في كتابه اخبرني الثقة فانا
اخبرته وذكر ابو الطيب اللغوى في كتاب مراتب النحويين قال ابو حاتم
عن ابى زيد كان سيبويه ياتى مجلسى وله ذوابتان فاذا سمعته يقول حدثنى

¹⁾ т. е Абу-Зейд-ал-Ауси ал-ансари.

من اثق بعربيته فانما يريدنى وقال ثعلب فى اماليه كان يونس يقول
 حدثنى الثقة عن العرب ف قيل له من الثقة قال ابو زيد قيل له فلم لاتسميه
 قال هو حى بعد فاننا لا اسميه

Лучшіе филологи принимали сообщенія женщинъ, обращали вниманіе на говоръ дѣтей, и даже не заинаясь признавали достойными сохраненія стихи сумасшедшихъ, пользовались ими для своихъ выводовъ. Случалось впрочемъ иногда, что они сами не понимали такихъ стиховъ, но тѣмъ не менѣе они ихъ передавали своимъ ученикамъ. Книги „имамовъ языка и грамматики“, говоритъ Суюти ¹⁾, полны доказательствами, основывающимися на стихахъ Кейс-б. Зурейха, сумасшедшаго изъ племени *لم اهرم توقوا اشعار المجانين من العرب* (?) *لكن* بل رووها واحتجوا بها وكتب ائمة اللغة والنحو مشحونة بالاستشهاد باشعار *فيس بن ذريح مجنون لبنى لكن*

Суюти даетъ намъ образецъ такого сумасшедшаго стихотворенія съ премиленькимъ анекдотомъ. „Въ Китаб-ал-таркисѣ Абу-Мухаммеда б. ал-Муалла ал-Азди значится: Разказаль намъ Абу-Хафсъ отъ Абу-Бекр. ас-Салаби отъ Абу-Хатима: Абу-л-Ала ал-Умани ал-Хариси передалъ отъ челоуѣка, который заставлялъ плясать свою дочь, слѣдующіе стихи:

مكوكة العينين معطاء القفا * كانما قدرت على متن الصفا
 تمشى على متن شرك اعجفا * كانما تنشر فيه مصحفا

Я (Абу-Хатимъ) спросилъ Абу-л-Алу; что значать слова этого челоуѣка? Онъ: „Не знаю“. Я сказалъ себѣ: вѣдь у насъ есть люди славящіеся знаніемъ арабизма; имъ стихи должны быть понятны. Давай пойду къ нимъ! Я и пошелъ сперва къ Абу-Убейдѣ и спросилъ его. Онъ отвѣтилъ: „Богъ не сподобилъ меня знать тайную науку“. Я обратился къ ал-Асмаю. Асмаій сказалъ: „мнѣ кажется, что самъ поэтъ, еслибы его спросить, не зналъ бы что сказать“. Наконецъ я

¹⁾ 1, 69.

отправился къ Абу-Зейду. Онъ сказалъ: Имя этого танцмейстера ал-Маджнун-б. Джундубъ (*المجنون بن جندب*); онъ былъ сумасшедшимъ (*مجنون*) и слова сумасшедшихъ понимаютъ только сумасшедшіе. Спрашиваль-ли ты кого-либо объ этихъ стихахъ? Спрашиваль, отвѣчалъ я, но никто ихъ не понималъ“.

Арабскіе ученые далѣе не могли не понимать, что передаваніе словъ, оборотовъ, стиховъ бедуинскаго языка не имѣло непосредственнаго отношенія къ религіознымъ догматамъ, такъ что признаванію сообщеннаго вольнодумцами (*اهل الاهوا*) филологическаго матеріала, ничего не мѣшало. Даже Ибн-ал-Анбари соглашается, что относительно языка и стоящаго съ нимъ въ связи, переданное вольнодумцами можно признавать. Онъ однакоже исключаетъ тѣхъ сектаторовъ, которые должны были врать по религіозной обязанности, каковы Хитабитская секта Рафидитовъ. Если же еретическія вѣрованія не заставляютъ врать по долгу, то ясно, что надежность ихъ можно признавать ¹⁾.

(قال ابن الانباري نقل اهل الاهوا هو مقبول في اللغة وغيرها الا ان يكونوا ممن يتدينون بالكذب كالحطابية من الرافضة وذلك لانّ المبتدع اذا لم تكن بدعته حاملة له على الكذب فالظاهر صدقه)

Традиціонисты не принимали преданій, сообщенныхъ только однимъ какимъ-нибудь лицомъ, но требовали, чтобы они были подтверждаемы еще другими. Историки однакоже сохранили намъ такія извѣстія (*آحاد*) и оказали намъ большую услугу. Филологи напротивъ того старательно собирали всякаго рода рѣдко встрѣчающіеся выраженія и обороты, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя сочиненія всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ о *نوادير*, *غريب* и т. п. Если такія выраженія были сохраняемы только однимъ ученымъ, они назывались *افراد*. Принимать ихъ было обязательнымъ, если только передавшій ихъ былъ человекъ извѣстный своею честностью и надежностію, каковы были напр. Абу-Зейдъ, Халиль, Аласмаій, Абу-Хатимъ, Абу-Убейда и другіе ²⁾.

Такія выраженія, которыя, хотя и были передаваемы различными

¹⁾ Музгиръ I, 69.

²⁾ I, 63.

шейхами, но были употребляемы только однимъ какимъ нибудь арабомъ при извѣстномъ случаѣ, назывались *مفاريدين*¹⁾). Наконецъ есть еще терминъ *آحاد*, который ал-Камаль ибн-ал-Анбари объясняетъ такъ: *الآحاد ما تفرّد بنقله بعض اهل اللغة ولم يوجد فيه شرط التواتر* т. е. „ал-ахадъ тѣ сообщенія, которыя переданы только нѣкоторыми филологами и которыя не пользуются общею извѣстностію“. Разница между ахадами и афрадами по этому состоитъ лишь въ томъ, что первые переданы нѣсколькими учеными, вторые — только однимъ. Позднѣйшіе критики вѣроятно придавали этой разницѣ большое значеніе.— Относительно доказательной силы такихъ ахадовъ, фардовъ и пр. мнѣнія расходились, о чемъ см. Музгиръ I, 56 и 57.

Чрезвычайно интересны разсужденія знаменитаго философа, врача и литератора Фахруддина ар-Рази²⁾ объ ахадахъ.

Онъ затрудняется тѣмъ, что передаватели не совсѣмъ надежны³⁾; что всѣ подвергались порицанію: „Основанія всѣхъ книгъ о грамматикѣ и языкѣ“, говоритъ онъ — „книга Сибавейги и Китаб-ал-айнъ Халиля. Что касается до книги Сибавейги, то порицаніе ея автора Куфійцами ясно какъ Божій день. Да не только Куфійцами! Ал-Мубаррадь, одинъ изъ лучшихъ представителей Басрійской школы сочинилъ особенную книгу, съ цѣлью опровергать его ученіе. Далѣе: Ибн-Джинни въ Китаб-ал-Хасаисъ помѣстилъ главу, трактующую о взаимномъ опроверженіи лучшихъ филологовъ и о томъ, какъ они другъ друга обвиняютъ во лжи; онъ же написалъ въ томъ-же сочиненіи другую главу, въ которой онъ доказываетъ, что языкъ кочевниковъ правильнѣе языка городскихъ жителей. Этой главой онъ желалъ кольнуть Куфійцевъ⁴⁾; и третью главу о такихъ выраженіяхъ, которыя передавалъ только Ибн-ал-ахмаръ ал-Багили. Разсказываютъ о Рубѣ и его отцѣ, что оба они импровизировали слова, которыхъ они не слышали никогда, и до нихъ никто не слышалъ. Сюда же относится

¹⁾ I, 122.

²⁾ род. 543 † 606 гижры см. Ибн-Халл. № 611.

³⁾ Музгиръ I, 57 и 58.

⁴⁾ Мнѣ кажется, что эта замѣтка весьма важна для оцѣнки отношеній Куфійской школы къ Басрійской.

изреченіе ал-Мазини „то, что по аналогіи выводится изъ говора арабовъ, должно считать за находящееся въ ихъ языкѣ“. Далѣе: Ала-смаія упрекали въ развратной жизни и онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что онъ приписывалъ арабскому языку такія вещи, какихъ въ немъ не было“. Затѣмъ ар-Рази удивляется, что филологи не постарались изслѣдовать степень надежности знаменитыхъ рави, какъ это дѣлали традиціонисты. Одинъ изъ комментаторовъ того сочиненія ар-Рази, изъ котораго Суюти взялъ это мѣсто, *ал-Карафи*, полагаетъ, что „причину этого недостатка изслѣдованія о надежности рави, слѣдуетъ искать въ томъ, что передавшіе языкъ и пр. не имѣли столь важныхъ причинъ, вызывавшихъ подлогъ, какъ передаватели хадисовъ.

Побудительныя причины къ выдумыванію словъ или оборотовъ были весьма слабы; точно также какъ и для выдумыванія или приписыванія знаменитымъ имамамъ положеній о практическомъ законѣдѣніи. Подобно тому, продолжаетъ ал-Карафи, какъ въ книгахъ о Фикгѣ почти не находятся положенія, ложно приписываемыя Шафію или Малику, и въ передаваніи языка очень мало есть вымышленнаго, между тѣмъ какъ его ужасно много въ передаваніи хадисовъ. Такъ какъ, по этому, ошибки и подлоги въ передаваніи филологическаго матеріала были рѣдки, то ученые и довольствовались вѣрою въ авторитетъ знаменитѣйшихъ и распространеннѣйшихъ сочиненій, потому что самая ихъ знаменитость и распространенность, въ соединеніи съ слабостью причинъ, побуждающихъ къ подлогу, ручались за подлинность ихъ сообщеній“. Этотъ оптимистскій взглядъ челоуѣка очевидно не спеціально знакомаго съ филологическою литературою ¹⁾, вызываетъ протестъ Суюти. „Филологи“, говоритъ онъ, „вовсе не пренебрегали изслѣдованіемъ положенія филологической науки относительно надежности или ненадежности передавателей. Они, напротивъ того, подробно и ясно толкуютъ объ этомъ, не хуже традиціонистовъ. Кто броситъ взглядъ на книги, сочиненныя „о классахъ филологовъ и ихъ біографіяхъ“, найдетъ подтвержденіе моему мнѣнію. Абу-Тайибъ, напримѣръ, филологъ, сочинилъ книгу о „степеняхъ грамматиковъ“, въ которой онъ харак-

---

¹⁾ كتاب الحصول ар-Разія есть сочиненіе относящееся къ фикгу.

теризуеть надежные авторитеты и поясняеть разницу между ними и шарлатанами-лгунами“.

واما الآحاد فالاشكال عليه من جهة ان الرواة له: ¹⁾ (تَكَسْتَي) مجروحون ليسوا سالمين عن القدرح بيانه ان اصل الكتب المصنفة في النحو واللغة كتاب سيبويه وكتاب العين اما كتاب سيبويه فقدح الكوفيين فيه وفي صاحبه اظهر من الشمس وايضا فالمبرد كان من اجل البصريين وهو افرد كتابًا في القدرح فيه واما كتاب العين فقد اطبق الجمهور من اهل اللغة على القدرح فيه وايضا فان ابن جنّي اورد بابا في كتاب الخصائص في قدرح اكابر الأدباء بعضهم في بعض وتكذيب بعضهم بعضا و اورد بابا آخر في ان لغة اهل الوبر اصح من لغة اهل المدر وغرضه من ذلك القدرح في الكوفيين و اورد بابا آخر في كلمات من الغريب لا يُعلم احدٌ اتى بها الا ابن الاحمر الباهلي وروى عن روبة واييه انهما كانا يرتجلان الفاظًا لم يسمعاها ولا سبقا اليها وعلى ذلك قال المازني ما قيس على كلام العرب فهو من كلامهم وايضا فالاصمعي كان منسوبًا الى الخلاعة ومشهودا بانه كان يريد في اللغة ما لم يكن منها والعجب من الاصوليين انهم اقاموا الدلائل على خبر الواحد انه حجة في الشرع ولم يقيموا الدلالة على ذلك في اللغة وكان هذا اولي وكان الواجب عليهم ان يبحثوا عن احوال اللغات والنحو وان يفحصوا عن جرحهم وتعديلهم كما فعلوا ذلك في رواة الاخبار لكنهم تركوا ذلك بالكلية مع شدة الحاجة اليه ..... ²⁾ وقال القرافي في شرح المحصول في هذا الاخير انما اهلوا ذلك لان الدواعي متوفرة على الكذب في الحديث لاسبابه المعروفة الحاملة للواضعين على الوضع واما اللغة فالدواعي الى الكذب عليها في غاية الضعف وكذلك كتب الفقه لا يكاد نجد فروعًا موضوعة على الشافعي او مالك او غيرهما وكذلك جمع الناس من السنة موضوعات كثيرة وجدوها ولم يجدوا من اللغة وفروع الفقه مثل ذلك ولا قريبًا منه ولما كان الكذب والخطا في اللغة

¹⁾ I, 58.

²⁾ p. 60.

وغيرها في غاية الندرة اكتفى العلماء فيها بالاعتماد على الكتب المشهورة المتداولة فإن شهرتها وتداولها يمنع من ذلك مع ضعف الدعاية له فهذا هو الفرق انتهى واقول بل الجواب الحق عن هذا ان اهل اللغة والاعخبار لم يهملوا البحث عن احوال اللغات وروايتها جرحا وتعديلا بل فحصوا عن ذلك وبينوه كما بينوا ذلك في رواة الاخبار ومن طالع الكتب المؤلفه في طبقات اللغويين والنحاة واخبارهم وجد ذلك وقد ألف ابو الطيب اللغوي كتاب مراتب النحويين بين فيه ذلك وميز اهل الصدق من اهل الكذب والوضع وسيمر بك في هذا الكتاب كثير من ذلك في نوع الموضوع ونوع معرفة الطبقات والثقات والضعفاء وغيرها من الانواع الخ

Критика надежности авторитетовъ! Вотъ именно она - то намъ нужна. Послѣдуемъ же Суюти въ эту интересную область и посмотримъ, что онъ намъ сообщаетъ, чтобы потомъ дѣлать наши выводы! „Много есть трактатовъ по этой части“ говоритъ Суюти; „между прочими Китаб-Табакат-ан-нухать Абу-Бекр аз-Зубейдїя, К. Табакат-ал-Басрийнъ Абу-Саид-ас-Сирафїя и Маратиб-ан-Нахвийнъ Абу-т-Таййба, ал-лугави. Этотъ Абу-т-Тайибъ (Абд-ал-вахид-б. Али-ал-Халаби † 350 (961) см. Flügel Grammat. Schulen p. 12) говоритъ въ названномъ сочиненїи: „Невѣжество взяло верхъ и распространилось до такой степени, что относительно лучшихъ ученыхъ сдѣлалось неизвѣстнымъ, кто передавалъ, отъ кого они передавали и откуда почерпали свою мудрость; такъ что многіе изъ нашихъ современниковъ уже не въ состоянїи различать между Абу-Убейдою и Абу-Убейдомъ, между сообщенїями, приписываемыми Абу-Саид-ал-Асмаїю и Абу-Саид-ас-Суккарїю или Абу-Саид-ад-Дариру; они толкуютъ какіе-то вопросы ал-Ахмара и не знаютъ, ал-Ахмаръ Басрійскїй-ли онъ, или ал-Ахмаръ Куфїйскїй, и не понимаютъ степени совершенства, которая различаетъ Абу-Амра б. ал-Ала отъ Абу-Амра аш-Шейбани и не различаютъ между Абу-Амромъ Иса б. Умар-ас-Сакафи и Абу-Амромъ Салих-б. Исхакъ ал-Джарми. Они говорятъ „сказалъ ал-Ахфашъ“, не различая между Басрійцами Абу-л-Хатаб-ал-Ахфашомъ, Абул-хасан-Саидъ-б. Масада ал-Ахфашомъ и Куфїйцами Абу-л-Хасан-Али

б. ал-Мубаракъ съ прозваніемъ ал-Ахфашъ и Абу-л-Хасан-Али б. Сулейманомъ съ прозваніемъ ал-Ахфашъ, учителемъ Мухаммеда б. Газиды и Ахмада б. Іахъи. Путаница въ головахъ дошла до того, что нѣкоторые считаютъ братьями ал-Касима б. Салламъ Багдадскаго и автора Табакатъ (аш-шуара) Мухаммеда б. Саллам-ал-Джумахи. Я видѣлъ экземпляръ сочиненія „ал-Гариб-ал-мусаннафъ“ и въ заглавіи значилось „сочиненіе Абу-Убейд-ал-Касим-б. Саллам-ал-Джумахи“; а между тѣмъ Абу-Убейдъ не былъ ни Джумахитомъ, ни арабомъ (Абу-Убейдъ былъ сынъ греческаго невольника см. Flügel Gram. Sch. 86); ал-Джумахи же авторъ „Табакат-аш-шуара“, и въ числѣ тѣхъ, отъ которыхъ онъ передавалъ, былъ Абу-Убейдъ¹⁾. — Въ такомъ тонѣ продолжаетъ Абу-т-Тайибъ; за тѣмъ онъ переходитъ къ обзору исторіи грамматиковъ. Послѣ неизбѣжныхъ разсказовъ о началахъ грамматики и заслугахъ Абу-л-Асвад-ад-Дуали онъ останавливается на Абу-Амрѣ б. ал-Ала ал-Мазини²⁾. Его онъ называетъ лучшимъ знатокомъ арабскаго языка, поэзіи и арабскихъ обычаевъ (سید الناس واعلمهم بالعربیة) (والشعر ومزاهب العرب); никто не поймалъ Абу-Амра на ошибкѣ, только въ одномъ словѣ онъ, по нѣкоторымъ, ошибся, да и это слово въ послѣдствіи оказалось объясненнымъ имъ удовлетворительно³⁾. Отъ него почерпали свои познанія Иса б. Умар-ас-Сакафи и Іунус-б-Хабиб-ад-Дабби и Абу-л-Хаттабъ ал-Ахфашъ. Послѣдній былъ первымъ писавшимъ комментаріи подъ каждымъ стихомъ; до него объясненія слѣдовали только по окончаніи всего стихотворенія. Отъ Абу-Амра б. ал-Ала наконецъ получили свои свѣдѣнія трое ученыхъ, которые въ свою очередь суть источники всего, что мы знаемъ относительно грамматики, языка, поэзіи и вообще науки арабской — Абу-Зейдъ, ал-Асмай и Абу-Убейда⁴⁾. (وكان في هذا العصر) ثلاثة هم ائمة الناس في اللغة والشعر وعلوم العرب لم ير قبلهم ولا بعدهم مثلهم عنهم اخذ جل ما في ايدي الناس من هذا العلم بل كله وهم ابو

¹⁾ II, 199. Ал-Джумахи и Абу-Убейдъ однакоже были современники. Ал-Джумахи † 231 и Абу-Убейдъ 222 или 224. см. Flügel Gram. Sch. 86 и 186.

²⁾ II, 200.

³⁾ II, 201.

⁴⁾ II, 202.

زيد و ابو عبدة و الاصمعي وكلهم اخذوا عن ابي عمرو اللغة والنحو و
 (الشعر ورووا عنه القراءة) Самъ Абу-т- Тайибъ однакоже строкою ниже
 противурѣчить себѣ, утверждая, что эти три свѣтила брали не только
 у Абу-Амра, но и у его учениковъ, Исы б. Умара, Абу-л-Хаттаба,
 Іунуса, и сверхъ того пользовались переданнымъ лучшими бедуинскими
 авторитетами, каковы Абу-Магдіа, Абу-Туфейла, Абу-л-Бейдаа,
 Абу-Хаіат-б-Лавитъ, Абу-Малик-Амр-б. Киркира и Абу-д-Ду-
 кейсъ ал-арâби. Изъ этихъ трехъ свѣтилъ, Абу-Зейдъ отличался наи-
 большимъ знаніемъ языка арабскаго, послѣ бедуина Абу-Малика, и
 больше другихъ заимствовалъ у чистыхъ бедуиновъ ¹⁾ (وكان ابو زيد
 احفظ الناس للغة بعد ابن مالك ووسعهم رواية واكثرهم اخذا عن
 البادية). Ибн-Мунадиръ выражалъ пропорцію знанія арабскаго языка
 этихъ четырехъ лицъ такимъ образомъ: Ал-асмаій владѣлъ одною
 третью языка, Абу-Убейда половиною, Абу-Зейдъ двумя третями и
 Абу-Маликъ всѣмъ языкомъ. Абу-т-Тайибъ объясняетъ это мнѣніе,
 говоря, что Ибн-Мунадиръ разумѣетъ сумму ихъ риваята (т. е. не
 столько сумму ихъ знанія, сколько сумму того, что они передавали),
 потому что Асмаій ограничивался въ своемъ преподаваніи, допускалъ
 только самыя лучшія ²⁾, подтвержденныя слова, и пускался въ изслѣ-
 дованія и споры о нихъ, да кромѣ того не объяснялъ словъ Корана и
 хадисовъ ³⁾. قال ابن منادر كان الاصمعي بجيب في ثلث اللغة وكان
 ابو عبدة يجيب في نصفها وكان ابو زيد بجيب في ثلثها وكان ابو مالك
 بجيب فيها كلها وانما عنى ابن منادر توسعهم في الرواية والفتيا لان
 الاصمعي كان يضيق ولا يجوز الا اصح اللغات ويلج في ذلك ويحك وكان
 مع ذلك لا يجيب في القرآن ولا في الحديث فعلى هذا يزيد بعضهم على
 (بعض) Абу-Убейда особенно отличался знаніемъ „дней“ Арабовъ и пре-
 даній, касающихся ихъ. Онъ, по сообщенію Умара ибн-Шаббы, говари-
 валь: Я знаю имена всѣхъ коней когда-либо встрѣчавшихся другъ съ

1) II. 202.

2) Противъ этого см. выше мнѣніе Фахраддина ар-Рази и Музгиръ II, 204.

3) ср. Flügel Gram. Sch. 78.

другомъ въ доисламскую эпоху или позже и имена ихъ всадниковъ¹⁾
 قال عمر بن شبة كان ابو عبيدة يقول ما التقي فرسان في جاهلية ولا اسلام
 (الا عرفتهما وعرفت فارسهما).

Аласмай же былъ лучший знатокъ поэзии и надежнѣйшій изъ нихъ относительно языка.

Мы видимъ, что Абу-т-Тайибъ весь запасъ филологическаго матеріала относитъ къ этимъ тремъ, четыремъ личностямъ. Спрашивается, откуда же получили они его? Неужели одинъ Абу-Амр-б-ал-Ала соединялъ въ себѣ всю мудрость, все стихи, которые были обрабатываемы цѣлыми поколѣніями ученыхъ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло преимущественно съ стихотвореніями и должны по этому прослѣдить дальше цѣпь ихъ передавателей. Мы уже отмѣтили, что Абу-т-Тайибъ нѣсколько преувеличиваетъ значеніе Абу-Амра б-ал-Ала, говоря что отъ него взяли все позднѣйшіе ученые и утверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, что три упомянутыя знаменитости имѣли еще другихъ учителей. — Къ этому противурѣчію прибавляется еще новое. Аласмай, говоритъ онъ, былъ превосходнѣйшій знатокъ поэзии и пр. Учился же онъ критикѣ стихотвореній у Халафа ал-Ахмара, т. е. Абу-Мухаммеда или Абу-Мухриза б. Хайана²⁾. (وكان تعلم نقد الشعر من خلف الاحمر وهو خلف بن حبان و يكنى ابا محمد و ابا محرز)

Халаф-ал-Ахмаръ же заимствовалъ весьма много отъ Хаммадар-равіи. Эти-то двѣ личности поэтому заслуживаютъ болѣе подробнаго изслѣдованія, такъ какъ дѣйствительно самая большая часть сохранившихся стихотвореній тѣмъ или другимъ путемъ опирается на ихъ авторитетъ.

Абу-л-Касим-Хаммадъ б. Сабуръ б. ал-Мубаракъ б. Убейдъ³⁾ родился въ 75 г. Гиджры. Имя отца его подвержено нѣкоторому сомнѣнію. Ал-Гейсамъ б. Ади⁴⁾ (الهيثم بن عدي) о немъ см. Фигр. I,

¹⁾ II, 203.

²⁾ II, 203.

³⁾ Фигристъ I, 91.

⁴⁾ см. Китаб-ал-агани изд. Бул. V, 164.

стр. 99) называетъ его Мейсарою (مَيْسَرَة). Въ Музгирѣ¹⁾, со словъ ал-Джахиза, значится, что Аласмай, Абу-Убейда и Абу-Зейдъ называли Хаммада Хаммад-б. Гурмуз-ад-Дилеми²⁾ по Юнусу.

Что Хаммадъ былъ неарабскаго происхожденія, не подлежитъ сомнѣнію. Его отецъ принадлежалъ къ плѣннымъ въ Дилемѣ Ибн-Урва-б. Зейд-ал-Хайлемъ³⁾ по Фигристу, Сальманомъ б-Рабіа по Китаб-ал-агани. Я предпочитаю разсказъ Китаб-ал-гани⁴⁾, потому что

онъ снабженъ иснадомъ, доходящимъ до самаго Хаммада: حَدَّثَنَا مُحَمَّدُ بْنُ الْعَبَّاسِ الْبَزِيدِيُّ وَعَمِيُّ وَاسْمَاعِيلُ الْعَتَكِيُّ قَالُوا حَدَّثَنَا الرَّيَّاشِيُّ قَالَ قَالَ الْأَصْمَعِيُّ كَانَ حَمَّادٌ إِذَا نَصَحَ النَّاسَ إِذَا نَصَحَ قَالَ وَقَلَّتْ لِحْمَادٍ مِمَّنْ أَنْتُمْ قَالَ كَانَ أَبِي مِنْ سِبْيِ سَلْمَانَ بْنِ رَبِيعَةَ فَطَوَّحْتَنَا سُهْمَانَ لِبْنِي شَيْبَانَ فَوَلَّوْنَا لَهُمْ قَالَ وَكَانَ أَبُوهُ بِسْمَى مَيْسَرَةَ وَيَكْنَى أَبَا لَيْلٍ قَالَ الْعَتَكِيُّ فِي خَبْرِهِ قَالَ الرَّيَّاشِيُّ وَكَذَلِكَ ذَكَرَ الْهَيْثَمُ بْنُ عَدَى فِي أَمْرِ حَمَّادٍ

При раздѣлѣ добычи по жребію отецъ Хаммада попалъ къ Шейбанитамъ, одному изъ колѣнъ большаго племени Бакр-б. Ваиля⁵⁾. По Фигристу онъ былъ подаренъ упомянутымъ Ибн-Урвою дочери его, Лейлѣ, которой онъ прислуживалъ 50 лѣтъ; по смерти же ея онъ былъ проданъ за 200 диргемовъ Шейбаниту Амиру б. Матару. Этотъ Амиръ даровалъ ему свободу. Хаммадъ пользовался расположеніемъ умейдскихъ современныхъ халифовъ и много есть разсказовъ объ его сношеніяхъ съ ними. Онъ дожилъ до временъ аббасида ал-Магдія⁶⁾. Ал-Магди царствовалъ отъ 158 — 169 г. гижры, такъ что показаніе Фигриста, по которому онъ умеръ въ 156 г., ошибочно. ср. еще Ибн-Халликанъ l. c.

¹⁾ II, 206'

²⁾ Такъ и Ибн-Кутейба ed. Wüstenfeld 268, ср. Ибн-Халликанъ № 204.

³⁾ у Ибн-Кут. Мукнифъ б. Зейд-ал-Хайль.

⁴⁾ V, 164.

⁵⁾ У Шпренгера III, CLXXI эта исторія нѣсколько переврана. Слово

سُهْمَانٌ мн. отъ سَهْمٌ, значущее часть добычи, которая достается солдату, попало въ собств. имена въ формѣ «Sahman».

⁶⁾ Китаб-ал-аг. V, 173. Фигристъ. I, 91.

Его необыкновенное знаніе стихотвореній и языка доставило ему прозвище ар-Равіа, т. е. рецитаторъ *rag excellence*, прозвище, которое впрочемъ давалось и другимъ кромѣ Хаммада ¹⁾.

Въ молодости своей Хаммадъ, кажется, былъ разбойникомъ. Ибн-ан-Нитахъ ²⁾ говоритъ: „Хаммадъ ар-Равіа вначалѣ былъ бродягою, и возился съ нищими и разбойниками. Разъ онъ ночью попалъ на человѣка и ограбилъ его. У этого человѣка была часть стихотвореній Ансаровъ. Хаммадъ прочиталъ ихъ; они ему понравились и онъ ихъ выучилъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ заниматься филологіей, поэзіей, преданіями о славныхъ побойщахъ, языкомъ, оставилъ свой прежній образъ жизни и наконецъ достигъ той степени знанія, которая его прославила“. (Китаб-ал-агани I. с. 171); قال ابن النطاح كان حمّاد الراوية في أول أمره يتشطر ³⁾ و يصحب الصعاليك واللصوص فنقب ليلة على رجلٍ فاخذ ماله وفيه كان جزء من شعر الانصار فقراه حمّاد فاستحلّاه وتحفظه ثم طلب الادب والشعر وایام الناس واغاث العرب بعد ذلك وترك ما كان عليه فبلغ في العلم ما بلغ

Еще въ другомъ мѣстѣ упоминается о писанныхъ источникахъ Хаммада. Онъ рассказывалъ: „Халифъ Валидъ, сынъ Іазида, прислалъ мнѣ двѣсти динаровъ и приказалъ Іусуфу б. Умару, чтобы онъ отвезъ меня къ нему (халифу) на почтовыхъ. Я сказалъ про себя: онъ меня спроситъ развѣ только о стихотвореніяхъ своего рода, т. е. Курейшитскихъ или Сакифитскихъ (родъ халифа по матери). Я по этому посмотрѣлъ въ книги Курейшитовъ и Сакифитовъ. Когда же я предсталъ предъ его лицо, то онъ спросилъ меня о стихахъ племени Балій ⁴⁾ и я продекламировалъ ему, что я счелъ нужнымъ“. Халифъ въ благодарность угостилъ Хаммада и другихъ присутствовавшихъ виномъ такъ щедро, что они всѣ заснули сномъ праведныхъ. (Кит-ал-агани I. с.

¹⁾ ср. напр. Китаб-ал-агани I. с. 272: حدّثنا السعیدی الراوية

²⁾ Современникъ Халиля и Сибавейги см. Ибн-Халл. № 515 стр. 118; ср. Фигристъ I, 10V

³⁾ Пятая форма глагола شطر не отмѣчена у Фрейтага; см. о ней и ея значеніи Quatremère Sult. Maml. I, pag. 50 и сл. note 72.

⁴⁾ см. Ибн-Дурейдъ 322 и прим. х.

اخبرنا الجرّمى بن ابى العلاء قال حدّثنى الحسين بن محمد بن طالب . 174.
الدينارى قال حدّثنى اسحق الموصلى قال قال حماد الراوية ارسل الوليد
بن يزيد الى بمائى دينار وامر يوسف بن عمر بحملى اليه على البريد
قال فقلت لا يسألنى الا عن طرفيه قرش وثقيف فنظرت فى كتابى قرش
وثقيف فلما قدمت عليه سألتنى عن اشعار بلّى فانشرته منها ما احسنته
ثم قال النخ

Если мы и не придадимъ безусловной вѣры его хвастовству, что онъ зналъ однихъ только касидъ время невѣжества сотню на каждую букву алфавита (Кит-ал-аг. I. с. 165) или семь сотъ касидъ, начинающихся словами بانّت سعاد ibid. 173), то мы тѣмъ не менѣе должны будемъ согласиться, что онъ дѣйствительно обладалъ чрезвычайнымъ знаніемъ древнихъ и новыхъ стихотвореній, такъ что одинъ только Халаф-ал-ахмаръ, о которомъ будетъ рѣчь нѣсколько ниже, превосходилъ его въ этомъ отношеніи ¹⁾.

Права онъ былъ преселого, любилъ пить и развратничать (см. напр. Кит-ал-аг. I. с. 169); вѣрнѣйшими товарищами его въ Куфѣ были Хаммадъ Адждрадъ и Хаммадъ б. Зибриканъ. Всѣ трое были поэтами и передавателями поэзіи и жили въ примѣрномъ согласіи другъ съ другомъ. Они составляли одну душу и одно тѣло, какъ выражается арабскій рассказчикъ (Кит-ал-аг. 166). Всѣ трое наконецъ были вольнодумцы или по крайней мѣрѣ были подозрѣваемы въ вольнодумствѣ ²⁾; Хаммадъ Адждрадъ (عجرد) по одному извѣстію даже заплатилъ жизнью за свободомысліе въ 155 г. По другимъ онъ умеръ 161 или 168. см. Ибн-Халликанъ № 205. О Хаммадѣ б. Зибриканѣ мнѣ ничего не извѣстно.

Посмотримъ теперь какою репутаціею пользовалась филологическая дѣятельность Хаммада. Прежде всего намъ бросается въ глаза

¹⁾ Музгиръ II, 203, ср. Ahlwardt, Chalef elahmar's Kasside p. 22.

²⁾ وكانوا يرمون بالزندقة جميعا

строгий приговоръ Іунусе-б-Хабиба ад-Дабби († около 183 года г.)¹⁾. „Ал-Джахизъ говоритъ, что Аласмаій, Абу-Убейда и Абу-Зейдъ передали отъ Іунуса слѣдующія слова: я, по истинѣ, удивляюсь, что люди передаютъ отъ Хаммада; онъ вѣдь выдумывалъ, ломалъ стихотворенія, ошибался и вралъ“. (قال الجاحظ ذكر الاصمعي و ابو عبيدة و ابو زيد عن يونس انه قال اني لاعجب كيف اخذ الناس عن حماد وهو يلحن ويكسر الشعر ويصحف ويكذب).

Іунусъ разсказывалъ, какъ бы въ подтвержденіе этого приговора, что Хаммадъ разъ представился въ Басрѣ Билал-б-аби Бурдѣ. Билаль спросилъ его: не привезъ-ли ты мнѣ чего-нибудь новенькаго? Хаммадъ продекламировалъ ему одну касиду, въ честь Абу-Мусы (отца Билала), которая нынѣ находится между стихотвореніями ал-Хутейа. Билаль сказалъ: что-ты? Хутейа хвалитъ Абу-Мусу? Я этого не зналъ, а между тѣмъ я лучший знатокъ стиховъ его. Но ничего, пускай эта касида распространится между народомъ²⁾.

Мухаммедъ б. Салламъ ал-Джумахи, ученикъ Іунуса, приблизительно того же мнѣнія о Хаммадѣ: „Первый, который собиралъ стихотворенія арабовъ и пустилъ въ ходъ ихъ преданія — Хаммадъ ар-Раѿіа; онъ былъ человѣкъ ненадежный, приписывалъ стихи людямъ, не сказавшимъ ихъ, и прибавлялъ къ стихамъ³⁾“. (قال محمد بن سلام غير موثوق به وكان ينحل شعر الرجل غيره (لغيره.. ч.) ويزيد في الاشعار الجعبي كان اول من جمع اشعار العرب وساق احاديثها حماد الراوية وكان

Вообще у Басрійцевъ онъ не считался надежнымъ авторитетомъ, по словамъ упомянутаго уже Абу-т-Тайиба. (Музгиръ II, 205 قال ابو الطيب وحماد مع ذلك عند البصريين غير ثقة ولا مامون) Да не онъ; въ Куфѣ, по словамъ Джафара б. Мухаммеда отъ Ибрагима б. Хаида отъ Абу-Хатима (ученика ал-Асмаіа) было много подобныхъ

¹⁾ Музгиръ II, 206; то-же сужденіе Іунуса *ibid.* I, 87: *وسمعت يونس*

يقول العجب لمن باخذ عن حماد وكان يلحن ويكذب ويكسر

²⁾ Музгиръ I, 87. *Китаб-ал-аг.* V, 172.

³⁾ Музгиръ I, 87.

Хаммаду рецитаторовъ, которые сами сочиняли стихи, понабирали подложныхъ стиховъ и приписывали ихъ другимъ (ibid: اخبرنا جعفر بن محمد حدثني ابرهيم بن حميد قال ابو حاتم كان بالكوفة جماعة من رواة الشعر مثل حماد الراوية وغيره كانوا يصنعون الشعر و يقتنون المصنوع منه وينسبونه الى غير اهله)

Эти невыгодные отзывы Басрийскихъ грамматиковъ нѣсколько теряютъ свое значеніе, если принимать въ соображеніе то недоброжелательство, ту ученую зависть, которую всячески высказываютъ ученые одной школы противъ другой. Абу-Абд-аллах-Мухаммед-б. Зіадъ ал-Араби, пасынокъ ал-Муфаддала, утверждалъ, что Абу-Убейда и ал-Асмаій ничего порядочнаго не писали ¹⁾. Обвиненія противъ ал-Асмаіа, которыя я привелъ выше (стр. 62) со словъ Ибн-Фариса, и которыя существовали и во время Ибн-Джинни, вѣроятно обязаны своему происхожденію отзывамъ ал-Араби или какого-нибудь другаго Куфійца. Съ другой стороны Абу-т-Тайибъ, отчаянный Басриецъ, говорить: „Отъ Абу-Амра б. ал-Ала заимствовалъ свои свѣдѣнія и Абу-Джафаръ ар-Руаси, Куфійскій ученый, который однакоже далеко уступаетъ упомянутымъ нами ученымъ (т. е. Халилю и пр.). Абу-Хатимъ (ученикъ ал-Асмаіа) говорить: Былъ въ Куфѣ грамматикъ по имени Абу-Джафаръ ар-Руаси. Его знанія ни гроша не стоили; но Куфійцы взяли его да стали превозносить до небесъ и утверждаютъ, что многіе изъ ихъ познаній и чтеній взяты отъ него“. (Музгиръ II, 201

وممن اخذ عن ابي عمرو ابو جعفر الرواسي عالم اهل الكوفة ولم يناظر هؤلاء الذين ذكرنا ولا قريبا منهم قال ابو حاتم كان بالكوفة نحوي يقال له ابو جعفر الرواسي وهو مطروح العلم ليس بشيء واهل الكوفة يعظمون من شأنه ويزعمون ان كثيرا من علومهم وقراءتهم ماخوذ منه)

Суюти самъ счелъ нужнымъ заступиться за честь ар-Руаси (ibid.) „Ни въ Куфѣ, ни въ другихъ городахъ“, продолжаетъ Абу-т-Тайибъ „не было ученаго, который могъ бы сравниться хоть съ меньшимъ изъ

¹⁾ Flügel Gr. Sch. 147. Музгиръ II, 208.

упомянутыхъ нами Басрійскихъ ученыхъ“ (ibid. 202 *ولم يكن بالكوفة ولا* (في مصر من الامصار مثل اصغرهم في العلم بالعربية). Онъ же упрекаетъ вообще Куфійцевъ въ недостатокъ критики при выборѣ авторитетовъ. Хотя, говоритъ онъ, въ Куфѣ и знаютъ больше стихотвореній, чѣмъ въ Басрѣ, но большинство ихъ подложно и сфабриковано (Музг. II, 206). Даже ал-Муфаддаль и ал-Араби перенимали отъ бедуиновъ, которыхъ Басрійцы по большей части не признавали надежными (ibid. 208).

Хаммадъ жилъ въ Куфѣ; зависть Басрійскихъ грамматиковъ могла ихъ отчасти привести къ нѣкоторымъ преувеличеніямъ ошибокъ и подлоговъ Хаммада, при томъ полемическомъ настроеніи, которое преобладало въ эту замѣчательную эпоху. — Совершенно другое значеніе имѣетъ отзывъ одного изъ лучшихъ Куфійскихъ ученыхъ, именно ал-Муфаддаля, который мы находимъ въ Кит-ал-агани V, 172:

اخبرني محمد بن خلف بن وكيع قال سمعت احد بن الحرت الخزاز يقول سمعت ابن الاعرابي يقول سمعت المفضل الضبي يقول قد سلبت علي الشعر من حاد الراوية ما افسدك فلا يصاح ابدا فليل له وكيف ذلك ابخطى في روايته ام يلحن قال لبيته كان كذلك فان اهل العلم يردون من اخطأ الى الصواب لا ولكنّه رجل عالم بلغات العرب واشعارها ومذاهب الشعراء ومعانيهم فلا يزال يقول الشعر يشبه به مذهب رجل ويدخله في شعره ويحمل ذلك عنه في الآفاق فتختلط اشعار القدماء ولا يتمييز الصحيح منها الا عند عالم ناقد واين ذلك.

т. е. „Я (т. е. авторъ Китаб-ал-агани) слышалъ отъ Мухаммеда б. Халаф-ал-Вакиа ¹⁾ отъ Ахмада б. ал-Харис-ал-Хаззаза отъ Ибн-ал-Араби, что ал-Муфаддаль ад-Дабби сказалъ: „Со времени Хаммада поэзію постигло что-то такое, отъ чего она никогда не оправится“. Ему замѣтили: какъ же это случилось? Ошибался-ли онъ въ передачѣ стихотвореній, или-же невѣрно ихъ декламировалъ? Если бы только

¹⁾ см. о немъ Fihrist I, 114.

то, сказалъ ал-Муфаддаль, то не было бы никакой бѣды; люди свѣдущіе навели бы ошибающихся на истинный путь. Дѣло не въ томъ. Но Хаммадъ былъ отлично знакомъ съ фразеологіей Арабовъ, ихъ стихотвореніями, слогомъ поэтовъ и предметами ихъ поэтическихъ изліяній, и постоянно сочинялъ стихи, подражая слогу какого-нибудь поэта, а затѣмъ помѣщалъ ихъ въ стихотворенія извѣстныхъ поэтовъ. Съ его легкой руки они разошлись по всѣмъ странамъ свѣта, такъ что стихотворенія древнихъ поэтовъ страшно перепутались и подложныя различаются только ученѣйшими критиками. Да откуда ихъ взять“?

Чтобы подтверждать этотъ взглядъ ал-Муфаддаля, рассказывается анекдотъ, суть котораго заключается въ томъ, что халифъ Магдій подарилъ Хаммаду 20,000 диргемовъ и Муфаддалю 50,000, первому за красоту его стиховъ, второму за добросовѣстность его риваята, и присовокупилъ: „кто желаетъ слышать прекрасные новѣйшіе стихи, пусть обратится къ Хаммаду; а кто желаетъ добросовѣстной передачи древнихъ, къ ал-Муфаддалю. (ibid 173: *من اراد ان يسمع شعرا جيّدا محدثا فليسمع من حماد ومن اراد روايةً صحيحةً فليأخذها عن المفضل*).

Эти приговоры не много только смягчаются нижеслѣдующимъ, довольно безцвѣтнымъ, показаніемъ Абу-Амра аш-Шейбани. „Отъ Мухаммеда б. ал-Аббас-ал-Іазиди ¹⁾ отъ ал-Фадла отъ Ибн-ан-Нитаха отъ Абу-Амра аш-Шейбани: Всегда, когда я спрашивалъ Абу-Амра б. ал-Ала о Хаммадѣ ар-Раѵіа, онъ признавалъ его превосходящимъ его (Абу-Амра), и когда я спрашивалъ Хаммада объ Абу-Амрѣ, то онъ всегда отдавалъ ему преимущество предъ собою“ ²⁾.

(قال حدثني محمد بن العباس اليزيدي قال حدثني المفضل قال حدثني ابن النطاح قال حدثني ابو عمرو الشيباني قال ما سألت ابا عمرو بن العلاء قط عن حماد الراوية الا قدمه على نفسه ولا سألت حمادا عن ابي عمرو الا قد تقدمه على نفسه).

¹⁾ † 310 Fihr. I, 01.

²⁾ Кит. ал-ар. V, 165.

Въ заключеніе я приведу еще отзывъ Халафа, о которомъ я сейчасъ поговорю, о Хаммадѣ, но замѣчу тутъ же, что онъ больше описываетъ характеръ Халафа, чѣмъ степень надежности Хаммада. „Я,“ говоритъ Халафъ, „бралъ у Хаммада настоящія стихотворенія арабовъ и взамѣнъ передавалъ ему подложныя; онъ ихъ принималъ за вѣрныя и вставлялъ въ стихотворенія арабовъ. Онъ вообще былъ глуповатъ“. (ibid. 174: حَدَّثَنِي هَاشِمُ بْنُ مُحَمَّدٍ الْخَزَاعِيُّ قَالَ حَدَّثَنَا دِمَازُ بْنُ أَبِي عُبَيْدَةَ قَالَ قَالَ خَلْفُ كُنْتُ أَخَذُ مِنْ حَمَّادِ الرَّائِيَةِ الصَّحِيحَ مِنْ أَشْعَارِ الْعَرَبِ وَاعْطَيْهِ الْمُنْحُولَ فَيَقْبَلُ ذَلِكَ مِنِّي وَيَدْخُلُهُ فِي أَشْعَارِهَا وَكَانَ فِيهِ حَقٌّ).

Халафъ б. Хайанъ Абу Мухаммедъ или Абу-Мухризъ былъ происхожденія не арабскаго какъ и Хаммадъ. Родители Халафа были родомъ изъ Ферганы ¹⁾. Альвардтъ ²⁾ старается доказать, что онъ былъ отпущенъ на волю не Абу Бурдою б. Аби-Муса ал-Ашари, какъ говорятъ Ибн-Кутейба (l. c.) и Суюти, (Музгиръ II, 203) оба по одному источнику, но сыномъ Абу-Бурды, Билалемъ, и основывается преимущественно на томъ аргументѣ, что Абу-Бурда былъ судьей въ Куфѣ, и что слѣдовательно, если онъ отпустилъ Халафа, послѣдній долженъ былъ провести хоть большую часть своей молодости въ Куфѣ, съ чѣмъ не согласуются его прозвища ал-Мазини, ал-Басри. Между тѣмъ ни въ Музгирѣ, ни въ Фигристѣ, онъ не называется ал-Басри или ал-Мазини. Если же онъ и носитъ это названіе въ де-Сленовомъ изданіи Ибн-Халликана, то мы имѣемъ полное право предпочитать указанія древнѣйшаго источника, Ибн-Кутейбы, не обращая вниманія на позднѣйшія прибавленія. Другое дѣло показаніе Фигриста, который называетъ его вольноотпущеннымъ Абу-Мусы. Тутъ явная ошибка: Абу-Муса былъ одинъ изъ сподвижниковъ пророка и умеръ въ 45 или 42 г. ³⁾, Халафъ же умеръ въ восьмидесятихъ годахъ втораго вѣка, по положительному показанію

¹⁾ Ибн-Кутейба 270.

²⁾ Chalef alahmer's Kasside 18 и сл.

³⁾ Ибн-Кутейба 136. ср. Ибн-Халл. № 315.

Суюти (Музгиръ, II, 231). Въ текстѣ Фигриста ¹⁾ очевидно пропущено слово *بن* (ч. *مولى بن ابى موسى* вм. *مولى ابى موسى*). Женильба отца Халафа и одной дѣвушки изъ племени Бану Мазинъ, которую придумалъ Альвардтъ для объясненія прозвища ал-Мазини, равнымъ образомъ опровергается Ибн - Кутейбою ²⁾, который на авторитетѣ ал-Асмаія основываетъ свое показаніе, что оба родители его были изъ Ферганы: *حدثنى ابو حاتم عن الاصمعى قال كان خلف الاحمر مولى ابى بردة بن ابى موسى الاشعري اعتقه و اعتق ابويه وكانا فرغانيين* Грамматикъ онъ учился у Исы б. Умара (Ahlwardt l. c. Музгиръ II, 203), языку (т. е. лексической части языка) у Абу-Амра б. ал-Ала (ibid.). Годъ его смерти Альвардтъ по догадкѣ отнесъ къ 180 г. г. ³⁾ и эта догадка подтверждается выше цитованнымъ мѣстомъ Суюти.

Халафъ подобно Хаммаду обладалъ большимъ поэтическимъ талантомъ и подобно Хаммаду же злоупотреблялъ этимъ талантомъ. „Абу Хатимъ отъ ал-Асмаія: ....Онъ былъ лучшимъ знатокомъ стихотвореній, самъ былъ поэтомъ и много подложныхъ стиховъ влагалъ въ уста поэтамъ племени Абд-ал-Кейсъ и другимъ. И эти-то подложныя стихотворенія отъ него приняли *Басрийцы* и *Куфійцы*. Отъ Мухаммеда б. Гахъя отъ Мухаммеда б. Газида: ....Никогда не было человека болѣе Халафа знакомаго съ поэзію и поэтами. Его искусство сочинять стихи вошло въ пословицу. Онъ влагалъ разнымъ поэтамъ въ уста стихи, и эти стихи по всему складу удивительно подходили къ стихотвореніямъ тѣхъ лицъ, которымъ онъ ихъ приписывалъ. Впослѣдствіи, однакоже, онъ сдѣлался набожнымъ и въ каждыя сутки прочитывалъ весь коранъ. (Онъ совершенно оставилъ занятіе поэзію, такъ что) когда разъ одна царствующая особа предлагала ему большія деньги за рѣшенія одного спорнаго пункта относительно одного стиха, онъ на отрѣзъ отказался. Куфійцы перенимали отъ него тѣ стихотворенія, которыя они впослѣдствіи передавали дальше. Они и хотѣли послѣ смерти Хаммада замѣнить послѣдняго Халафомъ, потому

¹⁾ I, 00.

²⁾ стр. 270.

³⁾ l. c. 24 ср. ibid. 464.

что онъ многое перенималъ у Хаммада и такимъ образомъ достигъ степени знанія, до которой самъ Хаммадъ не добрался. Когда же онъ сталъ набожнымъ, то отправился къ Куфійцамъ и обозначилъ имъ подложные, сочиненные имъ стихи. Но они сказали: Мы тебѣ тогда вѣрили, а теперь не вѣримъ. Такимъ образомъ случилось, что эти стихотворенія остались въ диванахъ поэтовъ до сегодня. (Музгиръ II, 203 قال ابو حاتم عن الأصمعي..... وكان اعلم ¹⁾ الناس بالشعر وكان شاعرا ووضع على شعراء عبد القيس شعرا موضوعا كثيرا وعلى غيرهم و اخذ ذلك عنه اهل البصرة واهل الكوفة اخبرنا محمد بن يحيى اخبرنا محمد بن يزيد قال كان خلف اخذ النحو عن عيسى بن عمر واخذ اللغة عن ابي عمرو ولم ير احد قط اعلم بالشعر و الشعراء ²⁾ منه وكان يضرب به المثل في عمل الشعر وكان يعمل على السنة الناس فيشبهه كل شعر يقوله بشعر الذي يضعه عليه ثم نسك فكان يختم القرآن في كل يوم وليلة وبذل بعض الملوك مالا عظيما خطيرا على ان يتكلم في بيت شعر شكوا فيه فابى ذلك وعليه قرأ اهل الكوفة اشعارهم وكانوا يقصدونه لما مات حماد الراوية لانه كان قد اكثر الاخذ عنه وبلغ مبلغا لم يقاربه حماد فلما نسك خرج الى اهل الكوفة فعرفهم الاشعار التي قد ادخلها في اشعار الناس فقالوا له انت كنت عندنا في ذلك الوقت اوثق منك الساعة فبقى ذلك (في دواوينهم الى اليوم). Cp. еще Ahlwardt Chalef elahmar's Kasside, стр. 21 и слѣд.

Я признаюсь, что и въ этомъ разсказѣ подозрѣваю нѣкоторое преувеличеніе Басрійскихъ грамматиковъ, Мухаммеда б. Іахъи и Мухаммеда б. Іазида, преувеличеніе тѣмъ болѣе неумѣстное, что болѣе древніе ученые говорятъ, что самъ Аласмаій учился у Ха-лафа ³⁾ критикѣ поэзіи и что обѣ школы перенимали у него стихотворенія, какъ они перенимали и у Хаммада непосредственно. (Касательно Хаммада см. еще Музгиръ II, 205, гдѣ самъ Аласмаій гово-

¹⁾ въ Фигристѣ I, 50. وكان امرس الناس لبيت شعر.

²⁾ ср. параллельное мѣсто Музгиръ I, 88.

³⁾ см. выше стр. 67.

рить, что большею частью известныхъ ему стиховъ Ииру-л-кейса онъ обязанъ Хаммаду и только нѣкоторыя „вещи“ слышалъ онъ отъ Абу-Амра б. ал-Ала: *اخبرنا جعفر بن محمد اخبرنا محمد بن الحسن الازدي اخبرنا ابو حاتم قال الاصمعي كل شئ في ايدينا من شعر امرئ القيس فهو عن حماد الراويه الا شيئا سمعناه من ابي عمرو بن العلاء.*

Мы тутъ видимъ весьма замѣчательное явленіе. Главнѣйшіе источники, изъ которыхъ обѣ школы заимствовали большую часть своихъ свѣденій, лучшими учеными обѣихъ же школъ обвиняются въ подлогахъ и перековерканіи. Изъ этого обстоятельства слѣдуетъ, что арабскіе ученые сами признаютъ существованіе множества подложныхъ стихотвореній. Это не можетъ насъ удивлять, потому что, по справедливому замѣчанію Нельдеке ¹⁾, никакая народная словесность не можетъ долго сохраняться въ первоначальномъ своемъ видѣ безъ помощи письменности. Когда же началась арабская письменность, т. е. приблизительно съ начала 2-го вѣка гиджры народная словесность уже подверглась разрушительному вліянію политическихъ и социальныхъ переворотовъ, результата появленія ислама. Ясно, что мы никогда не доберемся до *первоначальной* формы переданныхъ намъ стихотвореній, подобно тому, какъ и классическая филологія не можетъ заходить далеко за александрійскій текстъ Гомера. Но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что шансы арабистовъ стоятъ гораздо лучше. Арабскіе ученые могли лучше хранить преданіе, потому, что они, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ, поддерживали связь со степью, родиною знаменитыхъ поэтовъ, и вслѣдствіе этого оставались знакомыми съ бытомъ арабскихъ кочевниковъ современныхъ имъ; кочевнической же бытъ, равно какъ и языкъ, не измѣняются такъ легко, какъ бытъ и языкъ горожанъ. Греческіе критики александрійской эпохи наврядъ ли могли имѣть ясное понятіе о бытовыхъ условіяхъ того времени, которое родило поэмы Гомера; арабскіе же всячески старались сами знакомиться съ бытомъ кочевниковъ и слѣдовательно должны были имѣть довольно отчетливое понятіе о бытѣ эпохи чисто-народнаго творчества. Они напр. предпри-

¹⁾ Beiträge, VI.

нимали путешествія въ степь, справлялись у соплеменниковъ извѣстнаго поэта объ его жизни и произведеніяхъ ¹⁾, собирали пѣсни отдѣльнаго племени, писали монографіи о такихъ предметахъ, которые представляли наибольшія затрудненія арабамъ горожанамъ, какъ-то о верблюдѣ и названіи членовъ его, о пресмыкающихся степныхъ животныхъ и т. д.

О достоинствѣ пріемовъ арабскихъ критиковъ лучшей современной знатокъ арабской поэзіи, Альвардтъ ²⁾, отзывается довольно невыгодно. Я не имѣю достаточной начитанности, чтобы защищать прямо противоположный взглядъ, но мнѣ кажется, что глава Музгира, которая носитъ заглавіе معرفة المصنوع ³⁾ даетъ нѣкоторое право относиться критически къ мнѣнію ученаго издателя дивана шести поэтовъ. Если даже признать за вполне заслуженный упрекъ въ мелочности, педантствѣ и узости взгляда, въ неспособности смотрѣть на извѣстное стихотвореніе какъ на нѣчто цѣльное, то все же мы не можемъ обойтись безъ помощи арабскихъ критиковъ - грамматиковъ. Они даютъ намъ не только множество полезнѣйшихъ указаній на личности, занимавшіяся систематическимъ подлогомъ, каковъ напр. Ибн-Исхакъ, пресловутый авторъ знаменитой біографіи пророка ⁴⁾, — стихотворенія приводимыя имъ, вслѣдствіе этого конечно потеряютъ большую часть своей цѣны — они указываютъ намъ также на отдѣльныя стихотворенія или стихи какого нибудь поэта и присовокупляютъ ⁵⁾, что они подложны. Въ этомъ отношеніи они стоятъ гораздо выше передавателей преданій о жизни и изреченіяхъ пророка. Задача европейскаго издателя и критика состоитъ въ томъ, чтобы предварительно выдѣлять по возможности редакцію одного какого нибудь древнѣйшаго грамматика. Простой выборъ изъ разночтеній нѣсколькихъ рукописей не имѣетъ большаго значенія, потому что онъ будетъ всегда болѣе или менѣе субъективнымъ и навѣрное дастъ текстъ, никогда не существовавшій.

¹⁾ Китаб-ал-агани XVIII, 210.

²⁾ Six poets IX ср. ibid. XXVIII.

³⁾ I, 85 и сл.

⁴⁾ Музгиръ I, 86 Фигристъ I, 92.

⁵⁾ Музгиръ I, 87.

При безпримѣрной быстротѣ, съ которою развивалась арабская наука, такое возвращеніе къ рецензіямъ древнѣйшихъ ученыхъ оказывается существенной необходимостью тѣмъ болѣе, что объемъ и число стихотвореній увеличиваются съ удивительною быстротою съ теченіемъ времени. Хамаса, напримѣръ, Абу-Таммама въ редакціи Марзуки, древнѣйшей извѣстной до сихъ поръ, содержитъ 169-ю стихами меньше противъ Тебризіевой ¹⁾, которая была сдѣлана наврядъ-ли больше сорока лѣтъ послѣ первой. Калькутское изданіе ²⁾ Хамасы, которое, по безтолковости издателей, состряпавшихъ его на основаніи трехъ „old and accurate manuscripts“, но не снабдившихъ указаніями насчетъ этихъ „трехъ древнихъ и аккуратныхъ рукописей“, къ сожалѣнію не имѣетъ значенія для критики текста, прибавляетъ даже 104 отдѣльныхъ стиха и около 20 болѣе или менѣе длинныхъ цѣльныхъ стихотвореній.

Абу-Саидъ ас-Суккари родился годомъ раньше смерти Аласмаія ³⁾ (213), а между тѣмъ онъ уже долженъ былъ заниматься выборомъ разныхъ сильно разнящихся другъ отъ друга риваатовъ ⁴⁾. Въ этомъ дѣлѣ онъ по отзыву автора Фигриета отличался. Эта замѣтка весьма важна. Она между прочимъ даетъ отвѣтъ на вопросъ Флюгеля (Gr. Sch. 89), почему Фигриетъ причисляетъ ас-Суккари къ смѣшанной школѣ грамматиковъ. Ею же объясняется почему въ де-Сленовомъ изданіи Имру-л-кейса, дающемъ въ главныхъ чертахъ рецензію Асмаія число стихотвореній и стиховъ гораздо меньше, чѣмъ въ рецензіи Лейденскаго Кодекса, изданнаго Альвардтомъ въ the Divan of the six poets, который содержитъ изданіе Суккари. Ас-Суккари очевидно изъ редакцій разныхъ грамматиковъ и разныхъ школъ составлялъ свою.

¹⁾ Hamasae Carmina II, 1, XVII.

²⁾ Оно вышло въ 1856 году подъ заглавіемъ: The Divan Hammasah (sic), a selection of arabic poems by Aboo Tammam Habib ben Aus al-Taji. Prepared by order of W. Nassau Lees Esq. L. L. D. for the use of the Calcutta Madrasah and edited from the collation of three old and accurate Mss. by Mawlawi Kabir-al-din Ahmed and Mawlawi Gholam Rabbani. Published with the aid of the Government of Bengal by Mawlawi Kabir al-din Ahmed (Ар. загл. كتاب الحماسة لأبي

(تمام حبيب بن اوس الطائي)

³⁾ Flügel. Gr. Sch. 89.

⁴⁾ Fihrist I, 107

Если всѣ его редакціи походили на ту, которую мы имѣемъ предъ глазами въ изданномъ Козегартеномъ Диванѣ Гудзейлитовъ, то потеря ихъ была бы незамѣнимою даже открытіемъ отдѣльныхъ болѣе древнихъ редакцій потому, что въ этомъ диванѣ онъ тщательно различаетъ и отмѣчаетъ чтенія, пропуски или прибавленія лучшихъ грамматиковъ. Во всякомъ случаѣ, разборъ сохранившихся памятниковъ древнеарабской словесности долженъ начинаться съ попытки возстановить возможно древнѣйшій риваетъ извѣстнаго стихотворенія или дивана, на основаніи ли подлинныхъ комментаторовъ ихъ, или посредствомъ кропотливаго перерытія древнихъ грамматическихъ и лексикологическихъ сочиненій, въ обонхъ случаяхъ съ обращеніемъ вниманія на санадъ. Когда же сохранившійся матеріалъ будетъ обработанъ такимъ образомъ, когда будутъ собраны разбросанныя тамъ и сямъ замѣчанія о діалектахъ и ихъ особенностяхъ, когда будетъ сопоставлена съ ними фразеологія стихотвореній отдѣльныхъ племенъ или группъ, когда наконецъ географія арабскаго полуострова получитъ болѣе опредѣленные формы и путешественники нашего вѣка обратятъ больше вниманія на нынѣшній арабскій говоръ внутренней Аравіи и на положеніе поэзіи у кочевниковъ и горцевъ и поселянъ ея, тогда критика народныхъ произведеній доисламской эпохи получитъ такое подспорье, которое позволитъ ей занять подобающее ей высокое мѣсто среди наукъ, составляющихъ семитскую филологію и лингвистику.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

страница	8 строка	1 снизу	читай امّه	вмѣсто امة
”	19 ”	1 ”	تَحْلَاق	” تَحْلَاق
”	24 примѣч.	1 ”	70 г.	” 70 г.
”	31 стран.	17 сверху	хвалебная	” хвалебную
”	33 ”	1 сверху	معروفًا	” معرونا
”	36 ”	2 ”	اختلف	” اختلف
”	54 ”	1 снизу	وجدت	” وجدت
”	56 ”	18 сверху	تعرف	” يعرف
”	58 ”	”	بنى	” بنى

